

Жизнь и творчество Винсента Ван Гога

Евгений Сергеев
Выдающиеся художники мира

Евгений Сергеев
Жизнь и творчество
Винсента Ван Гога.
Выдающиеся художники мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69486043
ISBN 9785006033801

Аннотация

Великий нидерландский художник Винсент Ван Гог наполнял свои картины самыми простыми смыслами и идеями. Современники его не понимали, и за всю свою жизнь художник продал только одну свою работу. Не признанный обществом Винсент чувствовал своё отчуждение и страдал от одиночества, с которым боролся с помощью табака и алкоголя. Настоящим лекарством для постимпрессиониста стала живопись – именно она была его спасительницей в самые трудные минуты жизни.

Содержание

Аннотация	5
Предисловие	6
Глава 1. Семья Ван Гога	8
Глава 2. Детство Винсента	20
Глава 3. Гаага (29 сентября 1872 – 17 марта 1873) и Лондон (13 июня 1873 – 8 мая 1875)	32
Глава 4. Париж (6 июля 1875 – 28 марта 1876)	42
Глава 5. Рамсгейт, Уэлвин и Айлворт (17 апреля – 25 ноября 1876)	47
Глава 6. Дордрехт (7 февраля – 23 марта 1877)	51
Глава 7. Амстердам (30 мая 1877 – 3 апреля 1878)	54
Глава 8. Жизнь среди углекопов в Боринаже. Боринаж и Брюссель (13 ноября 1878 – 2 апреля 1881)	63
Глава 9. Эттен (5 августа – 23 декабря 1881)	84
Глава 10. Гаага (29 декабря 1881 – 10 сентября 1883)	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

**Жизнь и творчество
Винсента Ван
Гога. Выдающиеся
художники мира**

Евгений Сергеев

© Евгений Сергеев, 2023

ISBN 978-5-0060-3380-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Великий нидерландский художник Винсент Ван Гог наполнял свои картины самыми простыми смыслами и идеями. Современники его не понимали, и за всю свою жизнь художник продал только одну свою работу. Не признанный обществом Винсент чувствовал своё отчуждение и страдал от одиночества, с которым боролся с помощью табака и алкоголя. Настоящим лекарством для постимпрессиониста стала живопись – именно она была его спасительницей в самые трудные минуты жизни. В книге исследовано творчество Ван Гога через призму его личных переживаний.

Предисловие

Винсент Ван Гог заинтересовался живописью абсолютно случайно, в детстве он помышлял совершенно о другом. Первой его работой стала торговля предметами искусства в компании его дяди Сента. Именно здесь Винсент впервые соприкоснулся с картинами великих художников, что через некоторое время изменило всю его жизнь.

Быстро разочаровавшись в коммерции, Винсент решает посвятить жизнь служению Богу, последовав примеру отца. Абсолютно фанатичная преданность вере и бескорыстие настроили против него других представителей культа, которые хотели бы видеть в нём почтенного гражданина, а не юродивого, всем сердцем желающего помочь попавшим в беду.

Оказавшись не у дел, Ван Гог наконец решает посвятить себя живописи. Не имея академического образования, Винсент приложил огромные усилия для достижения поставленной цели. Первые его картины выглядят неуклюже – по ним никак нельзя сделать вывод, что они плод трудов великого художника.

За несколько лет стараний Винсенту удалось выработать свой стиль, и его картины легко узнаваемы. В них нет ничего помпезного, только самые простые идеи. Как признавался сам художник, картины должны быть наделены смыслом.

Для большинства людей Ван Гог – это прежде всего ху-

дожник, однако после себя он оставил многочисленные письма, адресованные в первую очередь брату Тео. И в этих посланиях Винсент предстаёт перед нами как знаток и теоретик искусства живописи. В отдельной главе данной книги описаны представления Винсента о теории цвета, которые он умело воплотил в своих произведениях. В другой главе приведены некоторые изречения Ван Гога о художниках и об искусстве в целом.

Автор книги постарался раскрыть смысл произведений Ван Гога через личные переживания их создателя. Описанию некоторых картин, а именно: «Крестьянские хижины», «Сеятель», «Ткачи», «Едоки картофеля», «Звёздная ночь», «Пейзаж в Овере после дождя», «Вороны на пшеничном поле», – посвящены отдельные главы.

Глава 1. Семья Ван Гога

30 марта 1852 года Анна Корнелия Ван Гог (1819—1907) родила сына. Однако малыш оказался мертворождённым, и его похоронили под камнем с надписью «Винсент Ван Гог».

Ровно через год, 30 марта 1853 года, Анна вновь родила сына. Мальчика нарекли в честь двух дедов, Винсента и Виллема. Через несколько десятилетий он стал великим художником, в картинах которого отображены вселенская энергия, правда и жизнелюбие.

Наличие предшественника никак не беспокоило Винсента: в своих письмах к брату Тео (1857—1891) он ни разу не жаловался на этот факт. В отличие от Сальвадора Дали (1904—1989), который сам писал, что многие его действия обусловлены смертью родного брата, носившего такое же имя, как и у него. И что интересно: Дали не страдал психическими расстройствами, хотя любил их имитировать. Винсент, в свою очередь, неоднократно лечился и противостоял сумасшествию.

Известный кубист Пабло Пикассо (1881—1973) кратко и довольно точно охарактеризовал жизненный путь Винсента Ван Гога, назвав его мучением и отметив, что именно эта драма имеет значение для искусства¹. Если бы у голландско-

¹ Точная цитата Пабло Пикассо: *«Для нас имеет значение беспокойство Сезанна, мучения Ван Гога, то есть драма человека. Всё остальное – ложь»* (Мастера

го художника жизнь была не такой тяжёлой, он не стал бы столь популярным: современный человек наделён глубоким чувством сострадания и благоволит страдальцам.

Русский художественный критик Александр Бенуа (1870—1960) вторит словам Пикассо: *«Что же касается до Ван Гога, то и я к нему отношусь с симпатией, приятный и сильный, положительный и настоящий мученик своей идеи, чисто живописной»*².

Свой нелёгкий путь Винсент прекрасно осознавал. Вот что он писал брату Тео 14 ноября 1885 года: *«Дорогой Тео, в книге Гонкура я нашёл – в статье о Шардене – подчеркнутое тобой предложение. Поговорив о том, как мало платят художникам, он пишет: „Что же делать, что будет дальше. Надо согласиться на зависимое положение или умереть с голода. Первое лучше“. Итак, говорит он дальше, не считая нескольких мучеников, остальные становятся „учителями фехтования, солдатами или комедиантами“»* (541)³.

Винсент не стал ни учителем фехтования, ни солдатом, ни комедиантом, а героически вписал себя в сонм гениев живо-

искусства об искусстве: избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: в 7 т. – М.: Искусство, 1965—1970. – Т. 5, кн. 1. – С. 310).

² Мастера искусства об искусстве: избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов. – Т. 7. – С. 337.

³ Здесь и далее номера писем Винсента Ван Гога приведены согласно их нумерации в следующих изданиях: Винсент Ван Гог. Птица в клетке. Письма 1872—1883 годов. – КоЛибри, 2021; Винсент Ван Гог. Мечтавший о солнце. Письма 1883—1890 годов. – КоЛибри, 2022.

писи.

Есть одна голландская поговорка, которая метко описывает все невзгоды нашего героя: «Высоким деревьям достаётся много ветра». Действительно, чем грандиознее личность, тем большее сопротивление она встречает на своём пути.

Приведённая поговорка прекрасно соотносится не только с Винсентом, но и с его родиной, Нидерландами. Небольшая страна имеет сложную и богатую историю, важное место в которой занимает отвоевание части суши у моря.

Первые свидетельства пребывания людей на территории Нидерландов (в переводе «Низинная земля») датируются периодом 250 тысяч лет назад. Это обработанные пластины из кремния, найденные в карьере Бельведер под Маастрихтом.

Первые письменные упоминания о нидерландских землях появляются в римских источниках. В 57 году до нашей эры войска самого Юлия Цезаря достигли этих мест, о чем он написал в «Записках о Гаальской войне».

Гай Плиний Секунд, более известный как Плиний Старший, в рамках военной кампании посетил «Низинные земли» в 47 году нашей эры. И вот какие впечатления он оставил потомкам: *«Побережье Океана населяют различные народы, проживающие в скудных жизненных условиях; но и на севере мы видели подобное, а именно у хавков. Там Океан, невообразимо огромный, два раза в сутки с равными промежутками затопляет необозримые просторы, так что вечная*

борьба двух элементов природы делает непонятным, принадлежит ли этот постоянно меняющийся край земле или морю. Там живёт нищий народ, который ютится на тер-пах, иначе говоря, на насыпях или искусственных холмах, так что дома их остаются над водой и при самых силь-ных приливах, но выглядят как обломки кораблей, когда вода отступает. А тогда обитатели этих лачуг разбредаются по округе, вылавливая рыбу, пытающуюся уйти с отливом в море»⁴.

Плиний Старший метко указал на противоборство суши и моря. Для Нидерландов это вековая борьба, нашедшая своё отражение в характере населяющих эту землю людей. Скудность бытия, подмеченная римским эрудитом, прекрасно изображена на многочисленных картинах Винсента Ван Гога.

Римское владычество шло вразрез со свободолюби-ем местных племён. Рембрандт ван Рейн (1606—1669) в 1661 году пишет своё самое крупное по размерам (бо-лее пяти метров в длину и ширину) произведение «Заговор Клавдия Цивилиса». На картине вождь батавов⁵ призывает восстать против господства Рима. Вот так этот момент опи-сывает древнеримский историк Корнелий Тацит: «Цивилис пригласил в священную рощу знатных людей своего племени

⁴ Мак Г. Нидерланды. Каприз истории / пер. с нидерланд. М. М. Беляев. – М.: Весь мир, 2013.

⁵ Батавы – племя, которое в древнее время населяло нидерландские земли.

и самых решительных из простонародья, якобы для того, чтобы угостить их ужином. Когда под влиянием весёлого ночного пира страсти их разгорелись, он начал говорить, – сперва повёл речь о славе своего племени, потом об оскорблениях и насилиях, которые приходится сносить батавам под властью Рима. „Некогда мы были союзниками, – говорил Цивилис, – теперь с нами обращаются как с рабами... Поднимите же голову, оглянитесь окрест и перестаньте дрожать перед громкими названиями римских легионов...“ Собравшиеся слушали Цивилиса с большим сочувствием, и он тут же связал их обрядами и закланиями, полагающимися у варваров в таких случаях».

На картине Рембрандта собравшиеся скрещают мечи, давая клятву верности в борьбе с римскими поработителями. Одноглазый Цивилис в массивном национальном головном уборе вселяет в них уверенность и наделяет силой.

Вечная борьба с морем закаляла характер голландцев, создавая условия для широкого развития местного самоуправления. Польдерная мелиоративная система требовала участия большого количества самых простых людей. Именно они, заключая сложные договоры между собой, обеспечивали нужное направление водных стоков. Центральная власть просто физически не смогла бы учесть все тонкости, с которыми были хорошо знакомы жители конкретной территории. В итоге одной из главных черт характера голландцев стала любовь к свободе. Для художников (а Нидерланды –

родина многих гениев живописи) свобода есть неотъемлемое условие их творчества.

На генеалогическом древе семьи Ван Гог – Карбентус от Стивена Найфи и Грегори Уайт-Смит самым древним предком указан некто Ян Ван Гог, который родился примерно в 1530—1540-х годах. Год смерти не указан.

По материнской линии самым ранним предком указан Геррит Карбентус (1697—1756). Он единственный из своей семьи пережил Восьмидесятилетнюю войну, когда провинции Нидерландов воевали за независимость с испанскими захватчиками.

У Хермануса Карбентуса (1732—1800), сына Геррита Карбентуса, в 1761 году рождается малыш, которого называли в честь деда, Герритом. Жизнь Геррита-младшего закончилась трагически. Выйдя утром 23 января 1797 года из дома, обратно он уже не вернулся. Его обнаружили убитым и ограбленным на дороге в Рейсвейк. У него остались беременная жена и трое детей, в том числе пятилетний Виллем, внуком которого стал Винсент Виллем Ван Гог⁶.

Виллем успешно справлялся с возникавшими в жизни трудностями. По современным меркам женился он довольно рано, в двадцать три года. Да и детей у него было довольно много – девять.

⁶ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь / пер. с англ. О. Якименко, Е. Желтой; под ред. А. Щениковой-Архаровой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – Т. 1. – С. 27.

Активное распространение книгопечатания подвигло его заняться переплётным делом: навыки обработки кожи оказались очень полезными. Он даже открыл небольшую торговую лавку на улице Спёйстрат в Гааге.

Слава об умелом переплётчике дошла до королевского дворца, и в 1840 году правительство обратилось к нему для отделки последнего варианта конституции. В дальнейшем Виллем рекламировал себя как королевского переплётчика, что делало бизнес ещё более успешным.

Дела Виллема шли в гору, и ничего не предвещало беды. Но, к большому несчастью, у одной из его дочерей, Клары, стали проявляться признаки душевного расстройства. Другой его отпрыск, Йоханнус, закончил жизнь самоубийством. В 1845 году уже сам Виллем умер от душевной болезни, о чем правдиво свидетельствует семейная хроника. Итак, в роду художника были как душевнобольные, так и самоубийцы. Это не могло не сказаться на судьбе Винсента.

Анна Карбентус, дочь Виллема и будущая мать Винсента, и её сестра Корнелия решили заняться живописью. В хорошо обеспеченных буржуазных семьях такое занятие становилось очень модным. Уроки рисования они брали у некоего Хендрика Бакхюйзена, ученики которого основали Гаагскую школу живописи.

Излишняя религиозность, отсутствие чувства юмора, невыразительная внешность Анны мешали ей найти свою вторую половинку. Одиночество стало ещё более удручаю-

щим после помолвки в 1850 году её сестры Корнелии, которая была младше на целых десять лет.

Супругом Корнелии стал удачливый торговец гравюрами с фамилией Ван Гог. К счастью Анны, у нового родственника был неженатый брат Теодорус (Дорус).

Возможно, Анну чем-то и не устраивал Дорус – он был тихим и неуверенным в себе, но страх остаться старой девой (ей ведь было уже тридцать два года) пересилил все сомнения. И 21 мая 1851 года Анна стала законной супругой Доруса и вместе с мужем отбыла в Грот-Зюндерт, небольшое поселение на юге Нидерландов.

Что примечательно, в пятнадцати километрах от этого селения, в Бреде, родился Питер Брейгель Старший (1525—1569), великий нидерландский художник и график. В своих работах он часто изображал пьянство и распущенность местных жителей (вспомните, например, серию его гравюр «Семь смертных грехов»⁷). Наверняка через триста лет аборигены также не отличались особой аристократичностью.

С Бредой связана ещё одна интересная история. Испанский художник Диего Веласкес (1599—1660) на картине «Сдача Бреды» (1634—1635) изобразил сцену передачи ключей города губернатором Юстином Нассауским командующему испанскими войсками Амброзио Спиноле. Со-

⁷ В серию «Семь смертных грехов» Питера Брейгеля Старшего входят восемь изображений: «Гнев», «Лень», «Тщеславие (Гордыня)», «Сребролюбие», «Чревоугодие», «Зависть», «Похоть» и композиция «Страшный суд».

бытие состоялось 5 июня 1625 года, и ему предшествовала восьмимесячная осада города во время Восьмидесятилетней войны.

Теодорус Ван Гог возглавлял Зюндертский приход протестантов. При этом соотношение протестантов и католиков в поселении составляло один к тридцати. Как сообщают Стивен Найфи и Грегори Уайт-Смит, только пятьдесят шесть человек – а это несколько семей – сплотились около форпоста истинной веры.

Само служение Богу у Ван Гогов было семейной традицией. Ещё в XV веке дальние предки из деревеньки Гох разъехались по монастырям.

Религиозную деятельность Ван Гоги успешно совмещали с бизнесом. Это противоречие отчасти объяснялось тем, что богатство считалось Божьим даром. Например, в конце XVII века Ван Гоги освоили производство золотой нити. Нарождающаяся буржуазия погрязла в роскоши, и изделия из золота пользовались большим спросом.

Однако не все предки Ван Гогов занимались предпринимательством. Один из сыновей Давида Ван Гога (1697—1802), Винсент, проявил интерес к живописи. Но, поскитавшись по континентальной Европе в качестве солдата, объявил себя скульптором. Детей после себя он не оставил.

Отец Теодоруса Ван Гога и дедушка великого художника – Винсент Ван Гог (1789—1874) – был довольно успешен как на поприще служения Богу, так и в стяжании богатств.

Возглавляемое им Общество за процветание инвестировало в разные направления деятельности. Будучи протестантской миссионерской организацией, Общество скупало земли, в том числе у католиков, и направляло на их обработку нуждающихся протестантов. Среди семи детей Винсента Ван Гога только Теодорус выбрал служение Богу. Все остальные предпочли предпринимательство.

Так, Сент, один из братьев Теодоруса, решив посвятить себя коммерции, открыл художественную лавку в Гааге. К середине 1840-х годов бизнес стал приносить значительные барыши. В мае 1846 года Сент навещает своего основного поставщика Адольфа Гупиля, который успешно торговал эстампами по всей Европе. После встречи Ван Гог сделал правильные выводы: необходимо торговать не уникальными картинами, а огромным количеством их репродукций.

Бизнес Сента активно развивался и в конце концов достиг такого уровня, что Сент вступил в прямую конкуренцию с Адольфом Гупилем. На следующей встрече с Гупилем, которая состоялась в феврале 1861 года, торговцы подписали соглашение о партнёрстве. Адольфу Гупилю досталась наибольшая доля – сорок процентов, Сенту Ван Гогу – тридцать процентов, Леону Буссо – тридцать процентов⁸.

Огромная торговая империя, которая стала называться «Гупиль и К», жаждала прибыли. Многочисленные агенты, как ищейки, рыскали по всей Европе в поисках коммер-

⁸ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 93.

чески выгодных картин. Основу ассортимента составляли незамысловатые пейзажи, через некоторое время в продаже появятся работы импрессионистов.

Теодорус же, решивший посвятить себя религиозной деятельности, в январе 1849 года получил пост в приходе Зюндерта. Новоиспечённый пастор не только заботился о духовной чистоте прихожан, но и уделял особое внимание их материальному благополучию. Например, он давал советы крестьянам по улучшению использования земель, активно участвовал в заключении договоров аренды наделов, проявлял себя как умелый зоотехник.

Анна, как и следует супруге священнослужителя, поддерживала уют в доме и рожала одного ребёнка за другим. Всего она произвела на свет семерых детей. Первый ребёнок родился мёртвым (1852), ровно через год на свет появился Винсент (1853—1890), далее – Анна Корнелия (1855—1930), Тео (1857—1891), Элизабет (1859—1936), Виллемина (1862—1941), Корнелис (1867—1900).

Только Тео оставил после себя наследника, который вновь был назван Винсентом Виллемом Ван Гогом (1890—1978). Через двадцать шесть лет после его смерти, 2 ноября 2004 года, в Амстердаме был убит Тео Ван Гог, внучатый племянник великого художника. Преступление совершили исламские фундаменталисты, которым не нравилась его деятельность, направленная на борьбу против свободной миграции в страну граждан из мусульманских стран. Он даже снял

десятиминутный документальный фильм о положении женщин в мусульманском обществе.

Итак, предки Ван Гога успешно совмещали служение Богу и бизнес. Некоторые даже пытались заниматься искусством. Винсенту как будто сама родословная подсказывала стать торговцем, проповедником и художником.

Глава 2. Детство Винсента

Для семьи пастора смерть первенца стала тяжёлым испытанием. Несостоявшаяся мать долго переживала утрату. Дорус усердствовал в служении, что помогало забыться и избавиться от меланхолии. Хотя стоит отметить, что раньше дети рождались мёртвыми или умирали в первые годы жизни довольно часто, и это не было такой трагедией, как сейчас.

Вот рождается Винсент. Теперь многие чаяния связаны уже с ним. И ту любовь, которая предназначалась первенцу, получает именно он. Как я уже отмечал выше, столь радостное событие произошло 30 марта 1853 года.

В переводе с голландского «Винсент» означает «Победитель», что требует от носителей имени определённых свершений. Мальчик растёт, но в нём трудно разглядеть «победителя». Он очень спокойный, любит ходить по окрестностям Зюндерта в одиночестве. Только светло-рыжие волосы выдают в нём связь с древними предками, внешний вид которых описал Плиний Старший.

Мать с детства заприметила, что Винсент плохо уживается с другими людьми. Малообщительность и тяга к одиночеству тревожили Анну. Она и отец прекрасно понимали, что таким людям не везёт в жизни и шанс стать «победителем» у них минимален.

Осознание этого привело к тому, что Анна стала отно-

ситься к старшему сыну всё хуже и хуже. Сколько бы усилий она ни прилагала к исправлению характера мальчика, ей это не удавалось. Винсент был очень упрямым и тяжёлым ребёнком. Однако он тянулся к матери, желая добиться её расположения, но часто вызывал гнев.

Из всех своих многочисленных родственников Винсент изобразил только мать. «Портрет матери художника» был написан в октябре 1888 года по фотографии, которую прислала сестра Виллемина. Анна изображена на зеленоватом фоне в тёмной одежде. Строгие черты лица мастерски выполнены мазками, в глазах читается боль за судьбу своего старшего сына.

У Анны после Винсента родилось ещё пятеро детей: четыре дочери и сын. Свою материнскую любовь к старшему отпрыску она всё чаще отдавала младшим детям.

Семья Ван Гогов жила в некоторой изоляции, ибо протестантам не рекомендовалось сближаться с католиками. На примере сада Анна показывала своим детям красоту природы во всех её проявлениях: весну с её первыми побегами, лето с яркими цветами, осень с набухшими плодами, зиму с её тишиной. Матери удалось воспитать в Винсенте любовь к природе. Став живописцем, он мог чётко отобразить травинку и одним движением написать целое дерево.

Чем ещё могли родители порадовать своих отпрысков в те времена? Конечно, чтением сказок, в особенности таких мастеров, как Ганс Христиан Андерсен (1805—1875).

А ведь посмотрите: гениальный сказочник был современником Винсента. Когда Винсент родился, великому датскому сказочнику было сорок восемь лет.

Много позже придуманные герои Андерсена из красочных мультфильмов радовали не одно поколение ребятнишек. Интересно, как раньше дети проводили своё детство без мультиков? Наверное, как когда-то мы без компьютерных игр...

Маленький Винсент обожал сказки Андерсена за их простоту, завораживающий язык, поучительные сюжеты, чистый и порой наивный ум героев. Кстати, Гадкий Утёнок до боли напоминает самого художника: при жизни его не понимали, этого мазилку, часто относились как к какому-то совсем странному чудику. Только в самом конце жизни Ван Гог его картины стали ценить по достоинству, а настоящая слава пришла уже после смерти.

Среди писателей, с произведениями которых Ван Гог был знаком с детства, стоит также отметить Чарльза Диккенса (1812—1870). В Рождество семья устраивала совместное чтение его произведений. Особое впечатление на маленького Винсента произвели «Рождественская песнь» и «Одержимый, или Сделка с призраком», и именно о них в марте 1883 года он пишет своему другу Антону ван Раппарду: *«Я люблю все произведения Диккенса, но эти две сказки перечитываю каждый год, с детских лет, и они не теряют для меня своей новизны»* (325).

С Диккенсом Ван Гог не расставался на протяжении всей жизни, жадно читая рассказы о трудной и несправедливой жизни простых людей. Некоторые герои картин художника как будто сошли со страниц великого английского писателя, и всё потому, что *«Диккенс – единственный, в ком мастерство писателя соединилось с талантом художника и рисовальщика. Он один из тех, чьи персонажи возрождаются»* (325).

Отец всеми силами старался поддержать материальный статус семьи. Ведь от этого зависело как их настоящее благополучие, так и будущее детей. Конный экипаж с кучером, садовник, гувернантки — вот зримые символы состоятельности пасторского домохозяйства.

Анна наставляла детей на дружбу с отпрысками только из «хороших» семей. Она полагала, что это поможет её детям благополучно устроиться в жизни. Круг знакомств семьи был ограничен, в него никоим образом не могли попасть бедняки и простолюдины.

Винсент любил наблюдать из окна за происходящим на площади вблизи их дома. Густые светло-рыжие волосы удивляли многих взрослых и привлекали их внимание. Но Винсент, как правило, избегал общества незнакомых людей. Он прятался подальше от любопытствующих, и эту странность стали примечать гости пасторского дома.

Не успев понять смысл букв, Винсент жадно копировал тексты карандашом, слово за словом, предложение за пред-

ложением, — и так вечерами напролёт. Возможно, именно в детстве у Ван Гога сформировалась любовь к письму, которая позже привела к бурной переписке с Тео и друзьями.

Анна, будучи сама любительницей живописи, старалась приучить детей к прекрасному, ведь искусство — развлечение для привилегированных. Винсент с большим интересом и вниманием перенимал опыт матери.

Первый дошедший до нас рисунок Ван Гога датируется 1864 годом, когда мальчику не исполнилось ещё одиннадцати лет. Винсент искусно изобразил карандашом амбар и фермерский дом, между которыми растёт деревцо. Амбар расположен на переднем плане, внутри стоит какая-то телега. Все предметы вырисованы довольно чётко и умело. Размеры рисунка небольшие, всего 20 x 27 см. Думаю, видевшие эту работу могли сделать вывод, что у автора есть художественный талант.

Кризис в отношениях Винсента с родителями нарастал из года в год. Отчасти в этом был виновен сам ребёнок, который постоянно требовал внимания со стороны родителей. Например, когда мать похвалила глиняного слонёнка, которого мальчик слепил сам, то он сразу его разбил, выказывая тем самым свою ревность к материнским похвалам. Мать и отец, в свою очередь, за провинности наказывали Винсента строже, чем других своих детей. Позже Ван Гог опишет своё отношение к семье в контексте разговора о союзе художников: *«Чёрт возьми, художники — та же семья. То есть*

злосчастный союз людей с противоположными интересами, каждый из которых расходится во мнениях с остальными, и если вдруг двое или больше объединяются, когда их мысли совпали, то лишь ради того, чтобы насолить третьему» (252).

После ссор в семье, как, впрочем, и в любое другое время, маленький Винсент любил бродить на природе. Ничего не могло ускользнуть от его любопытного взгляда. Все окружающие леса, все опушки были ему знакомы. Он с детства впитывал красоту и простоту природы. С восхищением Винсент обследовал птичьи гнезда, приглядывался к различным насекомым, особенно жукам, долго наблюдал за спокойным и размеренным течением реки.

Иногда в своих путешествиях Винсент забредал очень далеко. После таких вылазок он приходил под вечер, уставший и голодный. С некоторых пор его постоянным спутником стал младший брат Тео. Их необыкновенно тесные и искренние отношения зародились в детстве и продолжались всю жизнь. Далеко не у всех братьев бывает такое понимание, основанное на тайных чувствах, известных только им самим.

Малая родина, Зюндерт, оставила глубокий след в памяти Винсента. Он вспоминал родной дом и окрестности в трудную минуту. Вот что из Арля художник писал Тео: *«Во время болезни я вновь увидел каждую комнату дома в Зюндерте, каждую тропинку, каждое растение в саду, вид окрестно-*

стей, поля, соседей, кладбище, церковь, наш огород за ней — вплоть до сорочьего гнезда на высокой кладбищенской акации» (741). Сорочье гнездо надолго вписалось в память мальчика; будучи уже взрослым, он часто изображал эти птичьи дома. А ещё Винсент любил вспоминать семейные обеды. И его голодовки, как вынужденные, так и не оправданные ничем, можно воспринимать как некий протест против родной семьи.

Учёба у Винсента началась в семь лет, когда он пошёл в зюндертскую школу, находящуюся рядом с домом. Казалось бы, любопытный мальчик должен стать хорошим и прилежным учеником. Ожидания не оправдались, и Винсент впал в немилость к своему наставнику Яну Дирксу. Последний пытался умерить пыл мальчугана, прибегая к розгам. Но ничего не помогало — Винсент стал прогуливать уроки.

Анна с Дорусом нанимали репетиторов, но их помощь не принесла нужных результатов. Винсент яростно сопротивлялся ограничению свободы и не хотел учиться.

В непослушании своего отпрыска родители видели дурное влияние детей из крестьянских семей. И отчасти это правда: так, бедные дети научили Винсента грязно ругаться, что вызвало оторопь в пасторском доме.

В октябре 1864 года Теодорус, окончательно отчаявшись, направляет одиннадцатилетнего Винсента в школу-интернат Зевенбергена. Небольшой городок находился в тридцати милях к северу от Зюндерта.

В интернате, который стал для Винсента вторым домом, вместе с ним проживали и получали образование двадцать один мальчик и тринадцать девочек. Все из благополучных семей Брабанта⁹.

Расчёт супругов Ван Гогов был прост: дети из приличных семей должны стать для Винсента примером; разрушающее влияние крестьянских отпрысков Зюндерта постепенно сойдёт на нет.

Но Винсента не радовала перспектива жить вдали от дома и семьи. Он решил, что его просто бросили. Через несколько лет в письме к Тео Ван Гог описал душераздирающую сцену прощания с родителями. Он чувствовал себя птенцом, выброшенным из гнезда.

В течение двух последующих лет – а именно столько Винсент прожил в интернате – он испытывал горькое чувство одиночества. Домой он приезжал лишь на семейные праздники и школьные каникулы. Со сверстниками отношения никак не налаживались, и вблизи не было брата Тео, который его понимал. Всю свою энергию маленький Ван Гог направил на многочисленные попытки вернуться домой.

Однако методы Винсента слабо действовали на строгих родителей. Летом 1866 года они забирают сына из школы, но не для того, чтобы вернуть домой, в Зюндерт. Нет, они увозят мальчугана в Тилбург, в государственную школу имени Виллема II.

⁹ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 67.

Новая школа была куда более презентабельной, чем в Зевенбергене. Так, в 1864 году от короля Нидерландов она получила дворец и сады. Теодорус использовал всё своё влияние, чтобы пристроить сына в это учебное заведение. Ведь уже в те времена Тилбург славился превосходной системой образования. Преподаватели со всей страны стремились работать в школах города.

Неутомимое стремление дать, я бы даже сказал, навязать хорошее образование старшему сыну можно объяснить тем, что родители пытались через него реализовать то, чего сами не сумели достичь. Теодорус вёл скромный образ жизни, в отличие от брата Сента, который путешествовал по всему миру. Пост в скромном приходе Зюндерта не позволял реализовать амбиции. Анна ожидала от жизни немного другого, чем прозябания в небольшом посёлке. Винсенту же требовалось совсем иное: дом, семья, понимание, родные леса и поля, птичьи гнёзда. Но для своего счастья он слишком мало старался: уже в детстве Ван Гог проявлял скверный характер, изводя окружающих. От этого дрянного поведения ему так и не удалось избавиться. Сколько раз, будучи уже взрослым, он пытался вернуться домой или поселиться у Тео. Всё напрасно! Его поведение и поступки абсолютно не располагали к жизни с семьёй. Только вечное одиночество, сравнимое с полётом одинокой планеты в космосе.

Своё новое место проживания Винсент воспринял как очередную ссылку. Позже он сравнивал школу с сумасшед-

шим домом, где ему приходилось находиться подолгу.

В школе Тилбурга всю свою энергию Ван Гог стал тратить на занятия. Он бесконечно штудировал немецкий, французский, английский языки, с огромным усердием изучал ботанику, историю, алгебру, геометрию, географию. Особое удовольствие ему приносили уроки ботаники, ведь на них Винсент знакомился с доселе неизвестными ему растениями, которые разительно отличались от произрастающих в окрестностях его родного Зюндерта. Чтение литературы и заучивание наизусть стихотворений обогащали внутренний мир Винсента.

Рисование вёл известный на всю Голландию Константин Гюйсманс. Стивен Найфи и Грегори Уайт-Смит пишут: *«Рисовальный класс, куда Винсент впервые попал в 1866 г., был оборудован в соответствии с теориями Гюйсманса. Вокруг большого стола в центре комнаты, на котором помещалась модель – чучело птицы или белки, гипсовая рука или нога, были расставлены скамьи, где рассаживались ученики с планшетами. Во время урока Гюйсманс ходил по классу, по очереди уделяя внимание каждому из учеников; такой метод представлял радикальное новшество после унылой практики прошлого, когда лектор вещал, стоя за кафедрой. „Учитель сам должен быть живым воплощением метода, – заявлял Гюйсманс, – приспособливаясь к теме урока и особенно – к большим или меньшим способностям учеников“. Ученики восхищались своим учителем, ценя в нем*

*талант заинтересовывать и вдохновлять»*¹⁰. Такой подход к обучению всецело устраивал будущего знаменитого художника, так как он предполагал живое общение со своим учителем почти на равных. Возможно, именно Гюйсманс пробудил в Винсенте любовь к живописи и сформировал то представление о творчестве, которому художник остался верен всю жизнь, не преклоняясь перед авторитетами академической школы.

На учёбу у мальчика было предостаточно времени: со своими сверстниками он не сдружился. Сохранилась одна интересная фотография из тилбургской школы. На ней Винсент сидит почти в центре, скрестив руки, рядом в свободных позах запечатлены другие ученики, на заднем плане – школьные учителя. Нахождение в самом центре показывает, что Винсент любил внимание и осознавал своё превосходство над сверстниками. Скрещённые руки и ноги, заброшенные друг на друга, – признаки замкнутости, тёмная одежда свидетельствует о закрытости от внешнего мира.

Через год обучения в Тилбурге, в 1867 году, Ван Гог перевели на второй уровень образования из пяти. По успеваемости он обогнал многих своих одноклассников.

Казалось бы, мечта Доруса и Анны сбывается: их старший сын стал показывать хорошие результаты в учёбе. Но Винсент в душе был не рад происходящему. Ведь прилежная учёба – не более чем сублимация одиночества, оторванно-

¹⁰ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 71.

сти от родного дома и семьи. У мальчика нарастал серьёзный внутренний кризис.

Каждый день, шествуя из школы домой, к приютившей его семье Ханник, он понимал, что его никто не ждёт. Это не его родной дом, не его семья, он просто лишний. В Зюндерте всё было не так.

В один прекрасный мартовский день 1868 года Винсент покидает школу и Тилбург. Он оказался не в силах больше находиться в ссылке. Пятнадцатилетний уже не подросток, а юноша бросает школу и отправляется домой на строгий суд родителей.

Теодорус и Анна, как ни странно, не прилагали особых усилий, чтобы вернуть сбежавшего ученика. Возможно, они поняли, что их действия не приведут к какому-либо приемлемому результату. И на протяжении полугода Винсент жил в окружении близких, не слишком переживая за своё будущее.

Глава 3. Гаага (29 сентября 1872 – 17 марта 1873) и Лондон (13 июня 1873 – 8 мая 1875)

В июле 1869 года Теодорус и Винсент едут в Гаагу. Цель поездки очень простая: благодаря протекции дяди Сента юношу принимают продавцом предметов живописи в компанию «Гупиль и К».

Непосредственным начальником Винсента стал некто Херманус Гейсбертус Терстех, который в свои двадцать четыре года уже отличался деловыми качествами.

Торговля картинами требовала особых знаний, и Винсент со всей своей настойчивостью бросился изучать мир живописи. Он проглатывал одну книгу про художников за другой, восхищаясь характерами героев.

Интерес Ван Гога к живописи не ограничивался чтением литературы – он стал посещать картинные галереи. В самой Гааге, в галерее Маурицхёйс, он мог любоваться «Видом Делфта» Яна Вермеера (1632—1675) и «Уроками анатомии» Рембрандта. Чтобы увидеть «Весёлого пьяницу» Франса Хальса (1582/1583—1666) и «Ночной дозор» Рембрандта, Винсент посетил Амстердам; в Брюсселе он смог познакомиться с работами Яна ван Эйка (1395—1441) и Ганса Мемлинга (1435—1494); в Антверпене его ожидал Питер Пауль

Рубенс (1577—1640).

Ежедневно через руки Винсента проходили десятки «кси-лографий, гравюр, офортов, литографий, фотогравюр, фотографий, иллюстрированных альбомов и художественной периодики, каталогов компании, книг о художниках и различных специальных изданий»¹¹. Будущий великий художник внимательно всматривался во всё это художественное величие. Картины пейзажистов, особенно барбизонцев, навевали воспоминания о природе родного края; по портретам он изучал технику передачи характеров; в иных работах Винсент видел мастерство изображения библейских и мифологических сюжетов.

Винсент тяжело переживал разлуку с семьёй, особенно с младшим братом Тео. 29 сентября 1872 года он пишет ему своё первое письмо: « *[Дорогой] Тео, благодарю тебя за письмо, я был рад узнать, что ты хорошо добрался. В первые дни мне тебя не хватало, и когда я днём возвращался домой, было непривычно, что тебя там нет.*

Мы приятно провели несколько дней вместе и даже прогулялись, пока капал [дождь], и что-то повидали. Какая ужасная погода, тебе наверняка было жутковато, когда ты ходил в Ойс [тер] вейк. Вчера по случаю выставки прошли рысистые бега, но иллюминацию и фейерверк перенесли из-за погоды – хорошо, что ты не остался ради них.

Хаанебеки и Роосы передают тебе привет. Всегда любя-

¹¹ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 100.

ций тебя Винсент» (001).

Во втором письме Винсент предлагает Тео переписку: *«Я ужасно рад, что отныне мы заняты одним и тем же делом и работаем в одной фирме¹²; нам нужно почаще друг другу писать»* (002). Отныне братья активно переписываются, делясь друг с другом самыми сокровенными мыслями. Для истории искусства эти письма – источник знаний о нелёгкой жизни великого голландского художника. Прочитав их, можно узнать, как формировался особый художественный стиль Ван Гога. Кроме того, в своих письмах Винсент предстаёт перед нами знатоком и теоретиком живописи, почти как Эжен Делакруа (1798—1863) и Альбрехт Дюрер (1471—1528). Всего в двухтомном сборнике издательства «Азбука-Аттикус» представлено девятьсот два письма Винсента Ван Гога.

В пятом письме от 17 марта 1873 года Винсент впервые делится с Тео впечатлениями о живописи и художниках: *«Две недели назад, в воскресенье, я побывал в Амстердаме на выставке картин, которые отправятся оттуда в Вену. Это было очень интересно, и мне любопытно, какое впечатление произведут голландцы.*

Мне очень нравятся английские художники, они весьма редко нам попадаются, потому что почти все [картины] остаются в Англии» (005).

¹² Как вы уже догадались, Тео также стал работать в компании «Гупиль и К», в её брюссельском филиале.

Через семь месяцев после отъезда Винсента его отец получает новый пост в Хелворте, расположенном в тринадцатидесяти километрах к северо-востоку от Тилбурга. В феврале 1871 года семья навсегда покидает Зюндерт. Для Винсента это стало страшным ударом: воспоминания о родном крае остались в прошлом.

В Гааге Ван Гог встретил свою первую любовь. Ею стала Каролина, дочь Карла Ханебека, довольно успешного буржуа. Девушке было девятнадцать лет, и она отличалась чрезвычайно эффектной внешностью и нескромным поведением. Будущему художнику не удалось покорить Каролину, которая помолвилась со своим кузеном Виллемом ван Стоккумом.

Энтузиазм Винсента оценило руководство, и ему доверили участвовать в выездах в Амстердам, Антверпен и Брюссель для привлечения от лица компании новых клиентов. Это радовало родителей Ван Гога. Наконец их сын встал на правильный путь. Хотя сам Винсент не жаловался на бедность, денег ему явно не хватало.

Однако с клиентами Винсент часто был скован и неразговорчив, что отражалось на объёмах продаж. И в конце января 1872 года Терстех сообщил Ван Гог, что его планируют перевести в Лондон, где предметами живописи торговали оптом, без своей собственной галереи. Такое положение дел не очень обрадовало пасторского сына: его пугали перемены в жизни, хотя английским языком он владел на уровне, поз-

воляющем свободно общаться и писать.

Перед отъездом в столицу Британии Винсент посещает родителей в Хелворте, где его ждёт неприятность: в призывной лотерее он вытягивает билет в армию. Нидерландам для удержания колоний требовались молодые мужчины, способные держать оружие в руках. Винсент совсем не подходил на роль солдата, о чём догадывались его родители. Дорус был вынужден заплатить каменщику шестьсот двадцать пять флоринов (годовое жалованье), чтобы последний пошёл служить вместо его старшего сына.

В мае 1873 года Винсент прибывает в Лондон и в письме от 17 июня сообщает Тео: *«Мои дела, если учесть обстоятельства, идут очень хорошо.*

Я живу в пансионе, который мне пока нравится. Кроме меня, в доме ещё три немца, которые очень любят музыку и сами играют на фортепиано и поют, что делает вечера довольно приятными. Я не так занят, как в Гааге, потому что на работе нужно быть с утра и лишь до 6 часов вечера, а в субботу я освобождаюсь уже в 4 часа. Живу в предместье Лондона, здесь относительно спокойно, и это место мне чем-то напоминает Тилбург или подобный ему город» (009).

Активно развивающийся Лондон населяло множество буржуа, стремящихся к любой наживе. Чтобы почувствовать дух тех времён, обратимся к словам Чарльза Диккенса о дельцах той эпохи: *«Есть люди, преследуя в жиз-*

ни одну лишь цель – разбогатеть во что бы то ни стало — и прекрасно сознавая низость и подлость средств, которыми они ежедневно для этого пользуются, тем не менее притворяются, даже наедине с собой, высоконравственными и честными и качают головой и вздыхают над развращённостью света. Кое-кто из самых отъявленных негодяев, когда-либо ходивших по земле или, вернее, ползавших по самым грязным и узким тропам (ибо ходьба требует вертикального положения и человеческой осанки), – кое-кто из них важно отмечает в дневнике события каждого дня и аккуратно ведёт бухгалтерскую книгу по расчётам с небесами, причём баланс всегда бывает в его пользу. Быть может, это – бесцельная (единственная бесцельная) ложь и хитрость в жизни подобных людей, или же они и в самом деле надеются обмануть даже небо и накопить сокровища в мире грядущем тем же способом, каким накапливали его в мире земном; не будем допытываться, как это происходит, но это так. И несомненно, такая бухгалтерия (подобно иным автобиографиям, просвещающим общество) не преминет сослужить службу хотя бы в том отношении, что избавит ангела, ведущего запись деяний, от излишней траты времени и сил»¹³.

В отличие от успешных дельцов, простой народ Лондона жил довольно скромно. Улицы города утопали в грязи и кон-

¹³ Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никльби / пер. с англ. А. Кривцовой. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. – С. 625.

ском навозе. Казалось, пройдёт ещё несколько десятилетий, и славный город полностью утонет в нечистотах. По сравнению с Гаагой британская столица выглядела простой помойкой.

Рабочий день Винсента начинался в девять утра, и ему приходилось выходить из дома в половине седьмого: около часа он плыл на пароходе, потом шёл пешком. Жизнь в окрестностях Лондона позволяла экономить на съёме жилья, но требовала много времени на ежедневную дорогу на работу и обратно.

Интерес к живописи у Винсента продолжал расти. Вот что он писал брату Тео 20 июля 1873 года: *«Поначалу английское искусство не слишком меня привлекало, к нему нужно привыкнуть. Однако здесь есть талантливые художники, в частности Миллес¹⁴, который написал «Гугенота», «Офелию» и др. [полотна], гравюры с которых тебе, должно быть, уже встречались, они очень хороши. Затем Боутон¹⁵, чью картину «Пуритане, идущие в церковь» ты знаешь по нашей Galeria Photographique, у него я видел очень красивые вещи. Далее – представители старой школы: Констебль – это пейзажист, умерший лет тридцать назад, он*

¹⁴ Джон Эверетт Миллес (1829—1896) – английский художник, один из основателей Братства прерафаэлитов.

¹⁵ Джордж Генри Боутон (1833—1905) – англо-американский художник-пейзажист.

великолепен: в его работах есть что-то от Диаза¹⁶ и Добиньи¹⁷, Рейнольдса¹⁸ и Гейнсборо¹⁹, которые в основном писали прекрасные женские портреты; и ещё Тёрнер²⁰, гравюры с картин которого ты наверняка видел.

Здесь живут несколько хороших французских художников, в том числе Тиссо²¹, репродукции картин которого есть в нашей фотоколлекции, а также Отто Вебер²² и Хейльбут²³. Последний сейчас создаёт ослепительные работы в духе Линдера» (011).

Осенью 1873 года настроение Винсента значительно улучшается. Он нашёл себе жильё дешевле и ближе к работе (Брикстон, Хэкфорд-роуд, 87). Комнату сдала некая Урсула Лойер, проживавшая с девятнадцатилетней дочерью Евгенией.

Постепенно Ван Гог стал ощущать, что нашёл новую се-

¹⁶ Нарсис Диаз (1807—1876) – французский художник, представитель барбизонской школы.

¹⁷ Шарль-Франсуа Добиньи (1817—1878) – французский художник, представитель барбизонской школы.

¹⁸ Джошуа Рейнольдс (1723—1792) – английский художник и теоретик искусства.

¹⁹ Томас Гейнсборо (1727—1788) – английский художник и гравёр.

²⁰ Уильям Тёрнер (1775—1851) – английский живописец; предтеча французских импрессионистов.

²¹ Джеймс Тиссо (1836—1902) – французский художник и гравёр.

²² Отто Вебер (1832—1888) – немецкий художник-пейзажист, анималист.

²³ Фердинанд Хейльбут (1826—1889) – немецкий художник.

мью, о чём с воодушевлением писал в своих письмах. Почти не имея возможности общаться с женщинами, Винсент обратил свой взор на Евгению. Но девушка не ответила взаимностью, ибо уже была тайно помолвлена.

Неудачу на любовном фронте пришлось компенсировать посещением борделей, которых в Лондоне оказалось предостаточно: *«Более восьмидесяти тысяч проституток, многие из которых едва достигли подросткового возраста, предлагали свои услуги в городе, где половая близость по взаимному согласию допускалась при условии, что женщине исполнилось двенадцать лет»*²⁴.

Со своими сёстрами и братом Винсент поддерживал тесные отношения. Он даже сделал попытку трудоустроить в Лондоне Анну, которой исполнилось восемнадцать лет. Некоторое время они жили у Лойеров, но вскоре съехали оттуда. Очень вероятно, что Винсент просто не смог оплачивать жильё, а поиски работы Анны не увенчались успехом. Винсент сильно переживал из-за переезда, поскольку мечтал наладить отношения с Евгенией.

Поселившись недалеко от храма Сперджена, Ван Гог стал частым его посетителем. Сам Сперджен обладал хорошими актёрскими данными и легко увлекал слушателей проповедями о будущем искуплении. Молодому человеку, терпящему в своей жизни одну неудачу за другой, слова Сперджена пришлись по душе.

²⁴ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 132.

Тем временем лондонский филиал компании планирует открыть галерею, и руководство решает, что вместо Винсента стоит принять другого работника, ведь будущий художник так и не научился легко общаться с посетителями. Ему предложили продолжить работу в Париже. Для Ван Гога это стало очередным поражением. Родители в очередной раз испытали огорчение и негодование: их старший сын вновь выставляет семью в далеко не лучшем свете.

В своём последнем письме из Лондона от 8 мая 1875 года Винсент цитирует французского историка религии Эрнеста Ренана: *«Чтобы действовать внутри мира, следует умереть для себя. Народ, сделавшийся провозвестником религиозной идеи, отныне имеет лишь одно отечество – эту идею. Человек существует в этом мире не только для того, чтобы быть счастливым, даже не для того, чтобы просто быть честным. Он существует для того, чтобы воплотить великие замыслы через общество, чтобы прийти к благородству и преодолеть вульгарность, в которой влачит свои дни почти каждый»* (033). Примат высокой идеи над обыденностью – вот что манит Ван Гога, который увлёкся религиозной литературой. Он хочет «преодолеть вульгарность», воплотив свои великие замыслы, о чём и намекает брату Тео.

Глава 4. Париж (6 июля 1875 – 28 марта 1876)

В мае 1875 года Винсент переезжает в Париж и снимает комнату на Монмартре, которая *«маленькая, но выходит на садик, поросший плющом и девичьим виноградом»* (037). Служба в «Гупиль и К» занимает основную часть его времени.

Ван Гог продолжает интересоваться искусством, посещая парижские музеи, которые наполнены оригинальными полотнами со всего мира. Свою художественную коллекцию он пополняет гравюрами с картин Рейсделя «Куст» и «Беление хвостов», Рембрандта «Чтение Библии», Коро «Вечер», Бодмера «Фонтенбло», Бонингтона «Дорога», Труайона «Утро», Дюпре «Вечер», Мариса «Прачка» и «Крещение», Милле «Часы дня», Ван дер Маатена «Похороны в хлебах», Добиньи «Заря», Шарле «Гостеприимство», Фрера «Швеи» и «Бочар».

Из всех гравюр Винсент выделяет «Чтение Библии» Рембрандта и в письме Тео приводит следующее её описание: *«„Чтение Библии“ (большая комната в старом голландском доме (вечер, свеча на столе), молодая мать сидит у детской колыбели и читает Библию; пожилая женщина сидит и слушает, это заставляет задуматься: истинно говорю вам,*

„ибо где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них“; это старинная гравюра на меди, такая же большая, как и „Куст“, она великолепна» (037).

Сам Ван Гог увлекается религией всё больше и больше. Его сосед по комнате, Гарри Гледуэл, молодой англичанин, разделяет вкусы своего товарища. Вечерами они вслух читают Библию и эмоционально обсуждают прочитанное. Своей одержимостью Винсент стремится поделиться с братом: *«Тео, я бы хотел тебе сделать предложение, которое тебя, возможно, удивит. Большие не читай Мишле и никаких других книг (кроме Библии) до тех пор, пока мы вновь не увидимся на Рождество, и делай так, как я тебе говорю, – чаще проводи вечера у ван Стокума, Борхерса и др. Полагаю, что ты не пожалеешь, ты почувствуешь себя гораздо более свободным, когда начнёшь придерживаться этого распорядка» (046).*

Винсент довольно часто навязывал младшему брату свои взгляды. В приведённом письме он хочет, чтобы Тео бросил читать все прочие книги, кроме Библии. Позже он будет настаивать, чтобы брат стал художником, несколько при этом не заботясь о том, на какие средства они будут жить.

Его новый товарищ не только разделяет тягу к религии, но и живо интересуется искусством. Под влиянием и с помощью Винсента он начинает собирать гравюры. В один прекрасный день они посещают Люксембургский дворец, в котором могут насладиться красотой полотен Милле и Доби-

нии. Описывая этот момент брату, Ван Гог замечает: *«Воистину „Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл то младенцам!“»* (055).

Больше всего Винсента привлекают изображения простой крестьянской жизни. Его это вдохновляет не меньше, чем чтение Библии. Вот как он описывает одно из таких полотен: *«Сейчас у нас находится [картина] „Воскресное зимнее утро“. Она тебе знакома, не так ли? На ней изображена сельская улица с крестьянскими домами и амбарами, а в конце её – церковь, окружённая тополями. Всё покрыто снегом, на фоне которого – идущие в церковь чёрные фигуры. Это говорит о том, что зима холодна, но людские сердца горячи»* (064). Обратите внимание на последнее предложение: Ван Гог умело противопоставляет горячие сердца и зимний холод. Как будто он сам придумал сюжет этой картины. Вспоминается одна из самых известных картин Винсента – «Звёздная ночь» (1889), на которой тёплый жёлтый цвет вступает в борьбу с холодным синим.

Стоит отметить, что Винсент как будто не замечает выставку импрессионистов, которую зимой 1875 года обсуждает весь Париж. Сами эти импрессионисты, используя необычные переливания цвета, взбудоражили весь город. Многочисленные газеты поносят выскочек, критики с устоявшимися вкусами называют мастеров цвета умалишёнными. Но Ван Гог остаётся безучастным к творчеству Клода Моне (1840—1926) и Огюста Ренуара (1841—1919) – в сво-

их письмах из Парижа он даже не упоминает импрессионистов.

Теодорус примечает чрезмерную увлечённость Винсента религией и искусством и в письме от октября 1875 года даёт ему следующий совет: *«Не забывай о приключении Икара, который хотел долететь до солнца, но, достигнув определённой высоты, потерял свои крылья и упал в море»*²⁵. В своей книге про Сальвадора Дали, давая характеристику картине Питера Брейгеля Старшего «Падение Икара» (1558), я уже описывал упомянутый миф: *«Икар – это персонаж древнегреческой мифологии, сын Дедала²⁶ и рабыни Навкраты. Чтобы спасти Икара от разгневанного Миноса²⁷, его отец смастерил для сына крылья, сказав ему: „Не поднимайся слишком высоко; солнце растопит воск. Не лети слишком низко; морская вода попадёт на перья, и они намокнут“. Однако Икар увлёкся полётом и приблизился слишком близко к Солнцу. Воск предательски растаял, Икар упал в море и утонул»*²⁸.

Намёки пастора оказались пророческими: страстный интерес к религии, а также самовольный отъезд домой во время

²⁵ Азио Д. Ван Гог / пер. с фр., предисл., коммент. В. Зайцева. – М.: Молодая гвардия: Палимпсест, 2012. – С. 31.

²⁶ Дедал – герой древнегреческой мифологии, художник и инженер, создатель Кносского лабиринта на острове Крит.

²⁷ Минос – сын Зевса и Европы, царь Древнего Крита.

²⁸ Сергеев Е. Сальвадор Дали: король сюрреализма и гениальный безумец. – Издательские решения, 2022. – С. 70. – (Выдающиеся художники мира).

Рождества переполнили чашу терпения, и Винсенту предлагают покинуть компанию. Ван Гог осознаёт, что вёл себя неправильно, но выхода нет, и он навсегда покидает «Гупиль и К»; 31 марта 1876 года он уезжает в Рамсгейт, откуда ему поступило предложение поработать в начальном классе для мальчиков.

Глава 5. Рамсгейт, Уэлвин и Айлворт (17 апреля – 25 ноября 1876)

Современный Рамсгейт – небольшой английский городок с сорока тысячами жителей. В XIX веке он играл значительную роль, обеспечивая паромное сообщение через Ла-Манш. Для многих странствующих именно Рамсгейт становился воротами в Великобританию. Винсент как-то упомянул это местечко: *«Там есть порт, в нём полно кораблей, и он окружён каменными набережными, по которым можно гулять. А если пройти дальше, видно море в его естественном состоянии, и это красиво»* (076).

Ван Гог поступил на работу помощником учителя в школе-интернате для мальчиков. Само заведение находилось под управлением Уильяма Стокса, и в нём обучалось двадцать четыре ученика.

Винсент не оставлял попыток помочь сестре Анне найти хорошую работу, и размещает объявления в местной газете. Но безуспешно: он сообщает Тео, что одна больная дама, требующая ухода, получила в ответ на приглашение триста писем от кандидатов. В таких условиях подыскать хорошую работу для сестры – сложная задача.

В начале лета школа вместе с персоналом и учениками пе-

реезжает в Айлворт, находящийся вблизи Лондона. К несчастью, на новом месте Винсенту пришлось заниматься самым неблагоприятным делом: собирать плату за обучение, обходя дома родителей. Не обладая твёрдым характером и деловой жилкой, наш герой не справляется с поставленной задачей, и Стокс прогоняет Винсента.

Тем временем интерес к религии прогрессировал: Ван Гог трудоустраивается в школу, возглавляемую священником Томасом Слейд-Джонсом.

Совместно с подопечными будущий художник штудировал Священное Писание, молится и поёт. По вечерам он вновь растворяется в библейских историях. Всё это приносит ему огромное удовольствие: ведь он идёт по стопам своего отца, который благодаря служению Богу добился уважения в обществе.

В новой школе Винсент задержался всего на два месяца, его следующее призвание – миссионерство: *«Амбициозное желание нести в мир Истину глубоко укоренилось в натуре Винсента. Годы одиноких размышлений наградили его страстью к убеждению. Не имея подле себя единомышленников, Винсент не мог вполне наслаждаться своими увлечениями. Зато, когда ему удавалось убедить собеседника, он чувствовал глубочайшее удовлетворение; невозможность убедить приводила к охлаждению и даже полному разрыву отношений. Поэтому случившаяся летом 1876 года вспышка миссионерского рвения неизбежно повлекла за собой составление*

новых поэтических альбомов для Тео и совместное послушание с Глэдвеллом — одну из бесконечно жизненно важных кампаний по искоренению зла, о котором нельзя даже было упомянуть»²⁹.

О своей первой проповеди Винсент сообщает как о некоем чудесном событии в его жизни. Проповедуя, он почувствовал себя счастливым. Для Ван Гога такое состояние неестественное, ведь, как я уже отмечал выше, весь его жизненный путь — это мучение. Одиночество, нищета, непонимание, злорадство окружающих отравляли жизнь великого художника. Но в Ричмонде, небольшом городе близ Лондона, он впервые заходит на кафедру: *«Когда я проповедовал с кафедры, я чувствовал, что вновь вышел из тёмного подземелья на приветливый дневной свет, и я испытываю радость, думая, что отныне, куда бы ни отправился, буду проповедовать там Евангелие, — тот, кто хочет делать это хорошо, в сердце должен носить Евангелие, да ниспшлёт он его Нам. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. Вкусите, и увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него. Верен Призывающий вас, Который и сотворит сие. Ты знаешь достаточно о мире, Тео, чтобы понимать: бедный проповедник одинок, но Он способен пробуждать в нас ещё большую сознательность и твёрдую веру. „Но я не один, потому что Отец со Мною“»* (096). В то время религия стала для Винсента «приветливым дневным

²⁹ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. — Т. 1. — С. 169.

светом», таким же, каким через некоторое время будет живопись, спасающая его от одиночества и меланхолии.

Далее Ван Гог заявляет: *«Это давнее и справедливое убеждение: наша жизнь – это путешествие пилигрима, мы странники на земле, и да будет так, ведь мы не одиноки, ибо Отец наш с нами. Мы – пилигримы, наша жизнь – это длинный путь: путешествие с земли на небо»* (096). Сам Ван Гог всецело оправдывал данное утверждение: он любил путешествовать, ходить пешком, как странник, пилигрим. Даже на свою первую проповедь в Ричмонд Винсент пришёл пешком. И это есть одна из важнейших особенностей великого художника: преодолевать значительные расстояния на своих двоих. Видимо, находясь в дороге, вдали от всех и домашнего уюта, наш странник размышлял о смысле бытия, о тех трудностях, которые встречаются на пути праведника.

Вера в Бога позволяла Ван Гогу надеяться на загробную жизнь, и это давало утешение нашему герою: возможно, там, на небесах, его состояние не будет таким плачевным. Впоследствии, когда Винсент охладел к религии, он старался продлить свою жизнь через живопись.

За свои проповеди Винсент не получал ни копейки, школа также не спешила благодарить его материально. Наш герой оказался без каких-либо перспектив в чужой стране. Назревал серьёзный кризис, и на семейном совете в Рождество было решено: блудный сын возвращается домой.

Глава 6. Дордрехт (7 февраля – 23 марта 1877)

По протекции дяди Сента Винсент устраивается младшим клерком в одну из книжных лавок Дордрехта. Сам город располагается в Южной Голландии в двадцати километрах от Роттердама.

Ван Гог в одном из своих писем Тео описывает наводнение, которое его настигло в Дордрехте. Он умело подмечает красоту и некую драматичность природы родной страны: сильный морской ветер клонит вязы; лунный свет пробивается сквозь тучи и отражается в каналах; вода уже вышла из своих границ и угрожает затопить первые этажи; откуда ни возмись появляется никуда не спешащая лодка; поутру кто-то по воде пробирается в собственный амбар. В книжную лавку Питера Браата, где трудится Винсент, тоже прокрасалась вода, но не с улицы, а из подвала. Весь день пришлось переносить книги и бумаги на второй этаж.

Торговля книгами не привлекает Ван Гога, и в своих письмах он не упоминает о работе. Религия, служение Богу – вот чем пленён Винсент. Его записи напоминают речи проповедника. Он даже пытается представить свои фанатичные взгляды в стихотворной форме:

*Ликуй, Земля, возрадуйся Богу в небесах,
Пусть благодарные слёзы из глаз
Ради Него, от Кого исходит вся Благодать, текут.
Весело празднуйте этот радостный день,
Самый прекрасный из тех, что видал мир,
Опаляемый солнцем по горизонту.
Нас всё ещё приветствует благословенная ночь,
Когда звёзды с новым великолепием
И ангелы с новой радостью
Радуются приходу Христа.*

*Известно мне, Кому себя вверяю,
Хоть день и ночь постоянно сменяют друг друга,
Мне знакома та скала, на которой я строю,
Не ошибается Тот, Кто нас свято ждёт.
Однажды на закате своей жизни
Вознесу я, уставший от забот и борьбы,
За каждый день, данный мне здесь,
Тебе высокую чистую хвалу.
Надежда не навсегда увянет (102).*

Думаю, многим пришла в голову мысль, что перед нами не новый Данте. Особой красоты в стихах Ван Гога нет, лишь неумелые попытки отобразить своё религиозное неистовство.

Когда отец приезжает в гости к Винсенту, последнего обу-

ревают воспоминания о родном Зюндерте, который он сравнивает с Иерусалимом.

Свою цель служить Богу Ван Гог в письме Тео формулирует следующим образом: *«...я испытываю горячее желание познать сокровища Библии, основательно и с любовью изучить все её старинные истории, и в первую очередь то, что мы знаем о Христе»* (109).

Пасторский сын ссылается на отца и других предков, которые служили Богу. И он хочет встать в один ряд с ними. Всё иное, в том числе увлечение искусством, отходит на второй план.

Чтение религиозной литературы требовало много времени, и часто Винсент ложился спать очень поздно. С утра он находился в полусонном состоянии и нехотя общался с потенциальными покупателями. Хозяин лавки всё чаще и чаще выражал своё недовольство. И в конце концов Ван Гог в очередной раз пришлось покинуть свою работу. В Дордрехте Винсент прожил чуть больше месяца: с 7 февраля по 23 марта 1877 года.

Глава 7. Амстердам (30 мая 1877 – 3 апреля 1878)

В мае 1877 года Винсент прибывает в Амстердам, город, где творил сам Рембрандт. Но не искусство влечёт пасторского сына, а желание посвятить себя служению Богу. Ван Гог намеревается изучать теологию в университете.

Дядя Сент немного отдаляется от Винсента: ему не очень нравится такая идея. Однако другой дядя, а именно Ян Ван Гог, оказывает всемерную поддержку будущему художнику и даёт ему пристанище в своём доме.

Ян Ван Гог был старше Теодоруса на пять лет и женат на Вильгельмине Брёйнс. В 1853 году у них родился сын Хедрик, в 1854-м – Йоханнес (Ян). Брат Доруса довольно успешен в делах и работает директором морских доков.

Организацию подготовки к вступительным экзаменам берёт на себя преподобный Йоханнес Стрикер, муж Виллемины Карбентус, сестры Анны Карбентус-Ван Гог.

Вот так вся семья содействовала нашему герою в поступлении на теологический факультет. Дорус очень надеялся, что все испытания будут пройдены и сын оправдает возлагаемые на него надежды.

Однако уже в первом письме из Амстердама Винсент жалуется Тео, что подготовка идёт тяжело: *«Мой мозг бывает*

затуманен, зачастую голова и мысли путаются. Как мне овладеть этой сложной и пространной наукой, я не знаю; нелегко после стольких лет, полных событиями, привыкнуть к простой, хорошо организованной работе и проявлять упорство. И всё же я не отступаю: если мы устали, то не оттого ли, что уже проделали долгий путь, и если человек на Земле действительно ведёт борьбу, то не являются ли усталость и раскалённая голова признаком такой борьбы?» (117).

Интенсивное изучение предметов Ван Гог чередует с длительными прогулками. В одном из писем он сообщает, что побывал на местном кладбище и прогулялся в окрестностях. Местные луга и фермы напомнили ему некоторые гравюры Рембрандта.

После смерти великого мастера светотени прошло почти два века, и Амстердам значительно преобразился. Стальные механизмы силой пара кромсали грунт, отвоёвывая сушу у моря. Новые острова появлялись буквально из ниоткуда, а каналы удивляли своей продуманной бесконечностью. И всю эту энергию битвы за жизнь Ван Гог мог видеть из окна дома своего дядюшки.

По собственному признанию Винсента, когда он писал письма, то произвольно делал наброски. Например, так он изобразил Илию в пустыне под грозовым небом. Подобными случайными рисунками украшены многие письма Ван Гога. Некоторые из набросков превосходны и чрезвычайно точны.

И это только повышает ценность эпистолярного наследия великого художника.

Дядя Кор даёт Винсенту книгу немецкого католического монаха Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Труд произвёл огромное впечатление, о чём Ван Гог пишет брату: *«Книга Фомы Кемпийского совершенно особенная: его слова так глубоки и серьёзны, что их невозможно читать без волнения и почти страха, по крайней мере если читать с искренним стремлением к свету и истине, его язык – то истинное красноречие, которое способно завоевать сердца, потому что оно идёт из сердца»* (129).

По мнению Винсента, когда у «человека из еды есть только корка чёрного ржаного хлеба, правильно будет вспомнить слова: „Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их“» (133). Ван Гог часто оказывался в ситуациях, когда на обед была лишь корка ржаного хлеба. Стеснённость в средствах никоим образом не сломила волю художника. Видимо, он искренне верил в силу процитированных слов.

В Амстердаме Винсент сознательно ограничивал себя во всём. Сказывалось волнение: вдруг не удастся пройти вступительные испытания. В эти дни он уходил из дома и спал в сарае без одеяла, несмотря на то что зима 1877/78 года оказалась чрезвычайно холодной. Вдобавок в такие ночи Ван Гог бил себя тростью по спине, усугубляя своё и так незавидное состояние.

Иногда во время прогулок по ночному Амстердаму Винсента посещала идея самоубийства, и тут он вспоминал совет Чарльза Диккенса: *«И мой совет всем людям: если случится им впасть в уныние и меланхолию от сходных причин (что постигает очень многих), пусть изучат они обе стороны вопроса, рассматривая наилучшую в увеличительное стекло, и, если когда-нибудь встанет перед ними соблазн уйти в отпуск без разрешения»³⁰, пусть выкурят они сначала большую трубку и выпьют полную бутылку, а затем воспользуются похвальным примером барона из Грогзвига»³¹*. Пример барона Грогзвига состоит в том, чтобы рассмеяться так громко, чтобы злые духи убрались восвояси несолоно хлебавши.

Со своей любимой трубкой Винсент никогда не расставался. Впоследствии он изобразил её на картинах «Натюрморт с кувшином, мельницей для кофе и курительной трубкой» (1884), «Натюрморт с трубкой и соломенной шляпой» (1885), «Стул Винсента с трубкой» (1888), «Натюрморт с чертёжной доской, трубкой, луковицами и красным сургучом» (1889). Курительная трубка присутствует также в ряде портретов и автопортретов Ван Гога. И в последние минуты жизни Винсент не расставался с этим прибором, сохраняя верность своей привычке.

Подготовка к экзаменам включала не только изучение религиозных постулатов – требовалось также знание точных

³⁰ «Уйти в отпуск без разрешения» – совершить самоубийство.

³¹ Диккенс Ч. Жизнь и приключения Николаса Никльби. – С. 92.

наук. Например, уроки алгебры и геометрии давал некто Тейшейра. Винсенту приходилось вспоминать знания, полученные в Тилборге, где он, не доучившись, покинул школу.

Иногда в письмах к Тео наш герой писал о необходимости усердия в достижении поставленных целей, тем самым в том числе оправдывая время, потраченное на подготовку к предстоящим экзаменам: *«Человек не может получить всё сразу, и многие, кто достиг в чём-то большого успеха, прошли долгую, сложную подготовку, ставшую камнем, на котором был построен их дом»* (137).

Разве Винсент не прав? Действительно, успеха можно добиться за пять минут, если, конечно, готовиться к нему всю жизнь. Прославленному художнику не хватило даже всей жизни, ибо признание пришло после смерти. Людям искусства, художникам и музыкантам, писателям и скульпторам, требуется терпение и ещё раз терпение. Нельзя ждать сиюминутного результата, как не ждал его Ван Гог.

В своих религиозных раздумьях пасторский сын приходит к выводу, что человек от природы порочен и далёк от идеала, в лучшем случае – вор. И только вера и благословение возвышают заблудших. Не будь Божьего слова, человек остался бы чёрств и в нём возобладали бы животные инстинкты.

Возникающие на жизненном пути трудности Винсент принимает с благодарностью: *«Тот, кто живёт честно и, испытав настоящие трудности и разочарования, остаётся не сломлен, более ценен, чем тот, кому везёт и кто не знает*

ничего, кроме относительной удачи» (143).

Винсент восхищается такими произведениями французского историка и публициста Жюль Мишле (1798—1874), как «Ласточка», «Жаворонок», «Соловей», «Осенние надежды», «Я вижу некую даму», «Люблю этот маленький город», ибо они написаны *«от самого сердца, в простоте и нищенстве духа»*. Ещё в произведениях Мишле его пленит немногословность, наделённая особым смыслом.

В одном из своих писем Ван Гог возвышенно отзывается о чувстве, которое часто по неведомым правилам вспыхивает между мужчиной и женщиной: *«Любовь – лучшая и благороднейшая вещь в человеческом сердце, в особенности когда она проверяется жизнью, как золото проверяется огнём, счастлив и уверен в себе тот, кто много любил, пусть он колебался и сомневался, но если он сохранил божественное пламя и вернулся к тому, каким был в начале, то и не умрёт навек»* (143).

В этом же письме Винсент переходит от любви между людьми к любви к чему-то иному: *«Если человек постоянно любит то, что заслуживает любви, и не растрчивает свою любовь на совершенно незначительные, ничтожные и бездушные вещи, он постепенно становится более проникательным и сильным. Чем раньше человек станет искусным в той или иной должности и специальности и выберет относительно самостоятельный образ мыслей и действий, чем больше будет придерживаться чётких правил, тем ско-*

рее он приобретёт сильный характер и избежит духовной ограниченности».

Согласитесь, Винсент довольно умело связал возвышенное чувство любви с умением в делах, и всё потому, что для голландцев нематериальное и материальное равноценно. Не зря другой нидерландский художник Пит Мондриан (1872—1944) в своих абстрактных картинах изображал единство духовного и материального начал мира.

Вера в Бога сделала Ван Гог счастливым и умиротворённым, о чём он неоднократно признавался в своих письмах. Служение Богу и познание Библии – вот жизненная цель и осознанная необходимость Винсента.

В начале февраля 1878 года в Амстердам с проверкой приезжает Дорус. Потуги Винсента никак его не вдохновили – строгий отец посчитал того неспособным на успешную сдачу экзаменов и дальнейшее обучение в университете. Он просит родственников усилить контроль над непутёвым сыном. В ответ Ван Гог через две недели после отъезда отца впервые выставляет свой рисунок на обозрение. Чуть позже он осознаётся, что специально повесил работу в подвале воскресной школы, чтобы оставить хоть какой-нибудь след о себе.

Усиленная подготовка к экзаменам не привела к должным результатам: Ван Гог не поступил на теологический факультет университета. Через несколько лет он напишет Тео: *«Я считал тогда, что они слишком поторопились осуществ-*

лгать этот проект, а я соглашаться на него; к счастью, он не был доведён до цели – я сам, добровольно, подготовил свою неудачу и устроил так, чтобы стыд за неё обрушился на одного меня и ни на кого больше. Ты должен понять, что я, уже знавший несколько иностранных языков, вполне мог одолеть эту несчастную латынь и прочее, но я заявил, что отступаю перед трудностями. Это было не чем иным, как уловкой: я в тот момент предпочитал не говорить моим покровителям, что считаю университет, вернее, факультет теологии непристойным притоном, рассадником фарисейства». Из письма следует, что Винсент сознательно не прошёл все испытания, и такое непредсказуемое поведение вполне в его духе.

Тем не менее он не порывает с религией, и в феврале 1878 года в качестве миссионера начинает преподавать в воскресной школе, которая находилась на цокольном этаже миссионерской церкви Zionscapel. Протекцию ему составил некий Адлер, который действовал от Британского общества по распространению Евангелия среди евреев.

Чрезвычайно увлечённый миссионерством, Винсент пытался наставить на путь истинный всех своих родных, знакомых и соседей. Отец был категорически против такой активности сына, так как полагал, что сначала нужно получить теологическое образование, а уж потом приступать к проповедничеству. И уж тем более не нужно связывать свою судьбу с ортодоксальными церквями, от имени одной из которых

действовал Адлер. На стороне отца оказались Тео и Анна: они тоже были против нового занятия Винсента.

Наконец в июле неудавшийся проповедник возвращается к родителям уже в Эттен. В очередной раз Теодорусу приходится искать местечко под солнцем своему старшему сыну, которому в марте 1878 года исполнилось двадцать пять лет. Даже по современным меркам это возраст, когда люди должны твёрдо стоять на ногах. Но лодка жизни Винсента была крайне неустойчивая, как и её гребец.

Глава 8. Жизнь среди углекопов в Боринаже. Боринаж и Брюссель (13 ноября 1878 – 2 апреля 1881)

На семейном совете решили, что Винсенту стоит попытаться счастья в Бельгии, ведь там требования к проповедникам значительно ниже, чем в Нидерландах. Теодорус с сыном и преподобным Томасом Слейд-Джонсом отбывают в Брюссель. В одной из протестантских школ города Ван Гог проходит собеседование, надеясь поступить в колледж евангелистов.

Вернувшись домой, Винсент старается вести себя очень спокойно, избегая конфликтов с родителями. Много времени он проводил с младшим братом Кором, которому исполнилось одиннадцать лет.

Летом вместе с Дорусом Винсент съездил в родной Зюндерт, где прошло всё его детство. Воспоминания из далёкого прошлого окончательно утихомирили нашего героя. Между отцом и сыном наступила долгожданная идиллия.

Через некоторое время Ван Гог уезжает в евангелическую школу Брюсселя. Ему предстоит трёхмесячный испытательный срок.

Сама школа, занимавшая всего одну комнату, существовала чуть более года, и её посещали пять учеников. Един-

ственным учителем был одноногий Дирк Бойм, иногда давали уроки протестанты-единомышленники.

Винсент довольно рьяно бросился изучать историю, латынь и Библию. Через некоторое время он стал понимать, что учёба даже в такой школе совершенно не для него: *«Чувствуя приближение очередной неудачи, Винсент вновь погрузился в депрессию и самобичевание. Запершись в своей комнате в Лакене, в северной части города, он отказывался от пищи и спал на полу. А совершая долгие прогулки вдоль канала Шарлеруа, одевался слишком легко, несмотря на холодную осень. По свидетельству его соучеников, в школе он пренебрегал рабочим столом, предпочитая держать тетрадь на коленях, наподобие средневекового писца. Как и в Амстердаме, Винсент любил блуждать по кладбищам и городским окраинам, где „ощущаешь какое-то особое звенящее чувство тоски по дому, с примесью горькой меланхолии“»*³².

Незаметно прошёл испытательный срок, и Винсент вновь оказался не у дел. В поступлении в колледж ему было отказано, хотя из уважения к Дорусу позволили свободно посещать занятия. Но пасторский сын прекрасно понимал, что это провал. Ему не позволили проходить обучение даже в совсем маленькой школе. Что тогда ждёт его в будущем? Где брать силы, чтобы справиться со всеми неудачами? Эти мысли не давали Ван Гогу покоя, он перестал есть и спать.

Спасение пришло откуда его не ждали. Наш герой вспом-

³² Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 246.

нил слова про «свет, который зарождается в темноте». В письме Тео Винсент вспоминает, что ещё в Англии пытался устроиться проповедником на шахту, но ему отказали, так как на то время ему не исполнилось двадцати пяти лет. В одной из книг по географии будущий художник узнал об угледоках Боринажа: *«Борены (обитатели Боринажа, области к западу от Монса) занимаются только добычей угля, и ничем другим. Это впечатляющее зрелище – угольные шахты, которые уходят под землю на 300 метров и куда каждый день спускается рабочий люд, достойный нашего уважения и нашей симпатии. Угольщик Боринажа – своеобразный тип; для него не существует дня, он радуется солнцу только по воскресеньям. Он упорно трудится при слабом, бледном свете лампы, в узком проходе, согнувшись пополам, порой вынужденный ползти, чтобы извлечь из чрева земли минеральное вещество, о пользе которого всем нам известно, он трудится, наконец, окружённый тысячами опасностей, которые никогда не отступают, – но у бельгийского горняка превосходной характер, он привычен к такой жизни, и, оказываясь в колодце шахты с небольшой лампой на шляпе, чтобы находить путь во тьме, он полагается на Господа, который видит его труды и оберегает его вместе с женой и детьми. Его одежда – шляпа из варёной кожи, куртка и холщовые штаны»* (148).

Винсент писал Тео, что поездка в Боринаж, этот угольный край, придаст ему силы. Крестьяне и рабочие были для

Ван Гого примером для подражания. Их простота и искренность увлекала юношу. На новом месте он желал поближе познакомиться с людьми, зарабатывающими себе на пропитание тяжёлым и честным трудом. Также Винсента вдохновляла жизнь апостола Павла: перед тем как стать проповедником, он провёл около трёх лет в Аравии.

Пейзажи Бороинажа не были изысканными. Повсюду Винсента встречали терриконы – чёрные кучи отработанной породы. Местные мужчины, видимо, не отмывались от угля никогда и выглядели как негры. Многие из них проработали десятки лет на шахте и уже не могли разогнуть спину: на рабочем месте приходилось трудиться в самых неудобных позах.

Ранним утром разношёрстная мужская толпа, как тёмная жижа, текла в шахту. С собой они брали то, что трудно было назвать обедом, но за неимением другого приходилось довольствоваться малым. Вечером уставшие и грязные углекопы разбредались по своим хижинам. Кто-то по дороге заходил в пивную и выпивал кружку-две самого дешёвого пива. Дома их не ждал сытный ужин, им приходилось довольствоваться жидкой похлёбкой.

Несмотря на то что в течение 1850—1880 годов средняя заработная плата рабочих увеличилась практически в два раза, они могли побаловать себя мясом только по праздникам³³. Основной пищей нидерландских трудяг были чёрный

³³ Мак Г. Нидерланды. Каприз истории.

хлеб и картофель. Последний готовили в самых разнообразных видах, но, как правило, просто варили: для жарки требовалось сало или масло.

Для обогрева жилья жёны углекопов собирали уголь на отработанных кучах. В самую лютую стужу им приходилось выходить за своей скромной добычей.

Эмиль Золя в своём остросоциальном романе «Жерминаль» на примере шахтёрского городка Монсу описал неприглядную жизнь французских углекопов тех времён. Вот цитата из книги: *«Все прекрасно знали, что, если углекоп хотел добиться продления кредита, ему стоило только послать к лавочнику дочь или жену, — безразлично, были они красивы или безобразны, лишь бы не строптивы»*. Не думаю, что в Боринаже ростовщики и лавочники сильно отличались от их французских коллег-живодёров.

Бельгийский художник Константин Менье (1831—1905) родился в Боринаже и много картин посвятил углекопам. В одной из его лучших работ, «Возвращение шахтёров» (1905), рабочие представлены во всей своей суровости. На их лицах нет улыбок, как нет ничего другого, что могло бы порадовать. Изнурённые тяжёлым неблагоприятным трудом, но несломленные и гордые, они влачатся по домам, держа кирки в уставших руках. На заднем плане картины чёрный дым из трубы закрывает небо, на котором нет и проблеска света.

Особое внимание шахтёрскому труду уделял русский ху-

дожник Николай Касаткин (1859—1930). Так, в 1882 году он впервые посещает Донбасс, где изучает быт углекопов. В своей картине «Сбор угля бедными на угольной шахте» (1894) Касаткин изобразил мрачную будничную жизнь женщин и детей шахтёров. В письме Льву Толстому он делится впечатлениями о бельгийских копях: *«Бельгия – страна холмов и заводов, жутко по ней ехать, когда видишь на угольной горе чёрных изнурённых женщин и детей и тележки, бегающие по канату, как живые. Там можно поставить памятник человеку, который ничего не изобрёл»*³⁴.

Обладая некоторыми познаниями в религии и снабжённый рекомендацией отца, Винсент довольно быстро нашёл работу в местном приходе Пти-Вама, небольшом поселении, зажатом между шахтами «Маркасс» и «Фрамери». Он с пламенной горячностью начал проповедовать библейские сюжеты местным ребятишкам. Вместе с учениками Ван Гог пел песни и гимны, показывал детям свои рисунки, а по вечерам устраивал совместное чтение Библии.

Того жалованья, которое назначили Винсенту, еле-еле хватало на пропитание, зато комнату для проживания в доме пекаря ему предоставили бесплатно. Манерой одеваться Ван Гог постепенно начал походить на шахтёров: не совсем опрятная и часто грязная одежда стала для него повседневностью.

³⁴ Мастера искусства об искусстве: избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: в 7 т. – Т. 5, кн. 1. – С. 144.

Весной 1879 года пасторский сын на шесть часов спускается в шахту «Маркасс», чем он не позабыл поделиться с Тео: *«Спуск в шахту – это жутковатый опыт, для этого используется нечто вроде корзины или клетки, словно ведро в колодеце, но этот колодец 500—700 метров глубиной, и когда снизу смотришь вверх, обнаруживаешь, что дневной свет уменьшился до размеров звезды в небе. Ты испытываешь такое чувство, будто впервые попал на морской корабль, только ещё хуже, но, к счастью, это длится недолго. Шахтёры просто привыкают к этому, но всё же сохраняют непреодолимое чувство страха и ужаса, которое неотступно сопровождает их и для которого есть основания и причины. Но когда ты уже внизу, страдания остаются позади и твои старания щедро вознаграждаются тем, что ты там видишь»* (151).

Провожатым выступил некий мужчина, проработавший там тридцать три года. Он, никуда не спеша, подробно объяснял своему спутнику, как устроена шахта. Рабочие непосредственно добывают породу в забое, который представляет собой небольшую ячейку. В них углекоп трудится стоя, а иногда лёжа – всё зависит от условий. В «Маркассе» пять уровней, из которых три верхних истощены, и за углём приходится спускаться всё ниже и ниже.

Винсент восторгается забоями и печалится, что художники не торопятся изображать их на картинах: *«...это было бы чем-то новым и неслыханным или, вернее, невидан-*

ным» (151). Далее в письме он представляет сюжет такого полотна: вот вереница забоев, свод которых удерживается деревянными балками; в каждом забое трудится углекоп, облачённый в одежду из грубого холста; тусклый свет маленькой лампы пробивается из абсолютной темноты.

Ещё Ван Гог пишет о старых и ослепших клячах, которые таскают вагонетки с углём. И тут мне на память приходит лошадка из «Жерминаля» Эмиля Золя. В затопленной шахте она носилась с обезумевшими глазами, ища спасения. Но всё напрасно: вода поглотила несчастное животное, не оставив ей никакого шанса.

Самих углекопов Винсент описывает как необразованных, невежественных, но смыслённых и расторопных в работе. Как и Менье, Ван Гог подчёркивает их угрюмость. Также пасторский сын подмечает, что они не любят общаться с посторонними людьми. Их круг – это углекопы, и они живут своим узким миром.

17 апреля 1879 года на шахте «Аграп», находящейся всего в трёх километрах от Пти-Вама, произошёл взрыв газа. Метан, высвобождаемый из угольных пластов, всегда представлял опасность. Достаточно одной искры, и накопившийся газ превращается в смертельную огненную волну, которая, сметая всё на своём пути, мчится по туннелям шахты.

В результате катастрофы погиб сто двадцать один человек, многие остались инвалидами. Винсент не мог остаться в стороне от человеческого горя, постигшего множество се-

мей его деревни. Все свои силы он бросил на уход за пострадавшими. Ежедневно он совершал обход, помогая потерпевшим менять повязки на обожжённых местах. Лекарств и перевязочного материала категорически не хватало, приходилось использовать всевозможные подручные средства.

Некоторые семьи лишились единственного кормильца. Женщины и дети оказались в тягчайшей ситуации – они прекрасно понимали, что их в этой жизни уже не ждёт ничего хорошего. Винсент из всех сил старался помочь нуждающимся: раздавал своё небольшое жалованье, для обогрева хижин собирал уголь.

Но главное, чем мог помочь бедствующим Ван Гог, – это ободряющее слово истины. В трудных ситуациях слово становилось спасительной ниточкой. Не обладая выдающимися ораторскими качествами, но действуя от чистого сердца, Винсент вселял страдающим надежду. Наконец его познания в религии действительно приносили пользу людям.

Сам он вёл чрезвычайно скромный образ жизни, перебравшись из дома пекаря в заброшенную хижину. Часть своей одежды он раздал нуждающимся или же пустил на повязки, спал на соломе, как странник, питался чем придётся, иногда голодая целыми днями. Но Винсент был счастлив, принося пользу самым простым людям, оказавшимся в беде.

В свободное время Винсент часто думал о родителях и Тео. Его тяготила мысль о постоянных семейных спорах, и он не хотел никому омрачать жизнь, сознаваясь в этом бра-

ту: «А если без шуток, я искренне полагаю, что было бы лучше, если бы отношения между нами были доверительными. Если мне дадут понять, что я являюсь обузой или причиняю беспокойство тебе или всем дома, что я ни на что не го-жусь, если я буду постоянно чувствовать себя незваным или лишним гостем, которому лучше вовсе не приезжать, и при этом буду стараться всё больше держаться в стороне от всех – когда я думаю, что всё на самом деле будет так, а не иначе, мной овладевает горестное чувство и меня одолевает отчаяние.

Мне сложно справиться с этими думами и ещё сложнее жить с мыслью о том, как много я принёс раздора, горя и печали нам с тобой и нашему дому» (154). В этих строках явно прослеживается меланхолия, которая, как червь, точила душу бедного художника всю его короткую жизнь.

Когда его ближайшие родственники, Тео и Дорус, навещали Винсента, они поражались аскетичности его образа жизни. Отец надеялся, что сын одумается и перестанет впадать в безумные крайности в своём служении людям. Проповедник должен быть примером для окружающих, но никак не юродивым, ходящим босиком, спящим на соломе и одевающимся в мешковину. Всё это входило в противоречие со взглядами Теодоруса, и он пытался объяснить с сыном. Винсент делал вид, что понял свои ошибки, но после отъезда отца принимался за своё.

Такое неистовое служение людям можно объяснить от-

ношением Ван Гога к образу Христа: *«Для Ван Гога Иисус Христос был персонификацией его собственного воззрения на мир. Это воззрение базировалось на кажущихся на первый взгляд противоречивыми постулатах о том, что страдание всегда желанно, а печаль лучше радости; эти парадоксальные идеи нашли отражение в его живописи»*³⁵. Как ни странно, но в дальнейшем Ван Гог нечасто писал картины на религиозные сюжеты. Исключениями являются «Пьета» (по Делакруа) и «Полуфигура ангела» (по Рембрандту), «Воскрешение Лазаря» (по Рембрандту), «Милосердный самаритянин» (по Делакруа). Первые две работы написаны в сентябре 1889 года, две последующие – в мае 1890 года, когда художник лечился в клинике Сен-Реми.

Если Иван Никитин (1680—1742), один из первых петровских пенсионеров³⁶, был бит плетьюми и отправлен на каторгу в Сибирь за хранение пасквиля на Феофана Прокоповича, то Ван Гог сам избрал путь такой же тяжкий, как у каторжника.

Самопожертвование для голландцев не было чем-то исключительным. Для ликвидации порывов плотин требовались усилия многих тысяч людей. История Нидерландов хранит тёплые воспоминания о коронованном брате Наполеона,

³⁵ Вальтер Инго Ф., Мецгер Р. Винсент Ван Гог. Полное собрание живописи / пер. с англ. С. И. Козловой, Е. Л. Козловой, Е. Ю. Суржаниновой, И. Д. Голыбиной. – Арт-родник, 2010. – С. 46.

³⁶ Пенсионер – художник, которому за особые заслуги назначали жалованье и отправляли на обучение в Европу.

который во время одной из таких катастроф бросился на помощь пострадавшим: *«Через несколько часов после взрыва он уже ходил по развалинам. С военной оперативностью и целеустремлённостью он несколько дней практично и эффективно руководил спасательными работами. Он предоставил свой дворец для жертв катастрофы и пожертвовал солидные суммы из личных средств на восстановительные работы»*³⁷.

То, что делает честь монарху, а художника награждает бессмертием, недопустимо для простого служителя культа. В представлении местного церковного руководства проповедник не должен юродствовать и впадать в безумное самопожертвование. И уже в июле 1879 года евангелический комитет принял решение об увольнении Ван Гога, дав ему три месяца на поиск новой работы. В изданном по этому поводу документе написано следующее: *«Каждый, кто поставлен во главе конгрегации, должен обладать талантом произносить речи. Отсутствие данного качества делает абсолютно невозможным выполнение основной задачи проповедника»*³⁸. Эти слова – очередное лукавство церкви: Винсента уволили вовсе не за то, что он не умел произносить речи, – причиной стало его самоотречение ради людей. Не зря немецкий философ Фридрих Ницше (1844—1900) так презрительно отзывался о церкви.

³⁷ Мак Г. Нидерланды. Каприз истории.

³⁸ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 264.

Винсент не спешил сдаваться и отправился на поиски Абрахама Питерсзена, проповедника, который помог ему устроиться в евангелическую школу Брюсселя. Одевшись в рубище, он пешком проделал большой путь, ночуя под открытым небом. Появившись в истерзанном виде, с кровавыми мозолями на ногах в доме проповедника, он испугал домочадцев. Абрахам пытался уговорить Ван Гога прекратить скитания и вернуться домой. Но всё напрасно: Винсент не хочет идти на попятную, и Питерсен с большой неохотой даёт тому рекомендацию для боринаяжского проповедника Франка, который жил в шахтёрском посёлке Кем. В лучшем случае Винсент мог претендовать на роль помощника, и он прекрасно осознавал, что это его полный провал в «чёрной стране».

Однако в доме у Питерсзена произошло знаменательное событие, определившее судьбу Ван Гога. Абрахам увлекался акварелью и с интересом просмотрел рисунки Винсента. Они произвели на него сильное впечатление, и проповедник просит подарить ему портрет шахтёра. А после даёт ценный совет Ван Гог: надо приложить усилия именно в живописи.

В августе блудный сын появился на пороге родительского дома в Эттене. Целые дни он посвящает чтению Диккенса и полностью поглощён своими проблемами и внутренними переживаниями. Дорус пытается ему помочь, но кризис в отношениях снова назревает. В июне 1880 года Винсент пишет Тео: *«Вот почему я прежде всего склонен думать, что самое*

выгодное, самое лучшее и самое разумное для меня – уйти и держаться на приличном расстоянии, словно меня и нет. Что для птиц – линька, время смены перьев, то для нас, для людей, – бедствие или несчастье, трудная пора. Можно так и застрять в этом времени линьки, а можно выйти из неё обновлённым, однако такое не делается публично, это во-все не забавно, это невесело, а потому следует скрыться. Что ж, пускай. Теперь же, хоть это отчаянно трудно – вернуть себе доверие всего семейства, возможно не лишённого предрассудков и других подобных им почтенных и модных свойств, я не совсем отчаиваюсь и верю, что понемногу, медленно, но верно восстановится сердечное согласие с теми и этими» (155). В этом же письме он сравнивает евангелическую церковь с академической художественной школой. Все они наполнены предрассудками и занимаются тиранией, не давая взойти росту новой жизни. Это открытие Ван Гога стало для него отражением не только настоящего положения, когда его изгнали из проповедников, но и будущего противостояния с представителями академической школы. Для последних он был чудаковатым мазилкой, понапрасну расходующим краски и холсты.

В родительском доме Винсент задержался недолго, отправившись обратно в шахтёрскую страну. Чем-то она его вновь привлекла, возможно, угрюмыми лицами. Проповедник Франк ничем не смог помочь Ван Гогу, репутация которого уже была запятнана.

Прочитав «Короля Лира» Уильяма Шекспира, наш герой сначала вдохновляется образом Кента, графа, за честность и прямоту изгнанного из страны и вынужденного вернуться переодетым слугой. Но затем переключает своё внимание на Эдгара: *«Изгнанный Лиром, не узанный своим ослеплённым отцом, он живёт в шалаше, притворяясь сумасшедшим, в ужасе бежит от невидимых мучителей, „гложет падаль и запивает болотной плесенью“.* „Бездомные, нагие горемыки... В лохмотьях, с непокрытой головой и тощим брюхом“³⁹ – вот что из жизни Эдгара привлекло Винсента.

Грязный и усталый, весь в лохмотьях, он начал бессмысленно бродить по окрестностям, ночуя в стогах сена и не обращая внимания на наступившую зиму. Встречавшие считали его обезумевшим и сторонились. Но это несколько не обижало Винсента, так как он считал Иисуса тоже сумасшедшим.

Три дня продолжалось его путешествие в никуда, пока он не вернулся обратно в Боринаж. Через некоторое время он вновь появляется в Эттене. Но что его ждало в родительском доме? Дорус берёт инициативу в свои руки и решается направить странного сына в клинику для душевнобольных в Геле.

Сама больница функционировала с XIV века и в течение столетий разрослась, превратив в клинику весь город. Тысячи пилигримов пытались излечиться здесь от душевных за-

³⁹ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 270.

болеваний.

Теодорус приложил все усилия, чтобы получить у эксперта заключение о невменяемости сына. Даже договаривается о встрече с известным гаагским психиатром Йоханнесом Николасом Рамаером. Но в последний момент Винсент отказывается ехать к эксперту. Планы отца по излечению сына рухнули.

Разъярённый Винсент в очередной раз покидает родной дом и направляется вновь в Кем. Через некоторое время он сообщает Тео, что начал рисовать. Живопись для Ван Гога стала продолжением его миссионерства, ведь с её помощью он хотел показать трудную жизнь простых людей. Кроме того, Винсент полагал, что в настоящих шедеврах есть Бог.

Первым заказчиком его рисунков стал отец, который заплатил по 10 франков за каждую из четырёх карт Святой земли. Ещё один рисунок с сюжетом из шахтёрской жизни приобрёл Питерсзен. Правда, эту покупку профинансировал Дорус, уговорив проповедника не сообщать об этом Винсенту. Получив за свой труд пусть небольшие деньги, Ван Гог почувствовал себя более уверенно, ведь, возможно, его скитания и поиски себя заканчиваются.

В письме Тео от 24 сентября 1880 года Винсент описывает свои первые шаги на новом поприще: *«Я всё работаю над „Курсом рисунка“ Барга и намерен закончить его, прежде чем приступить к чему-нибудь другому, так как это изо дня в день разминает и укрепляет и руку, и разум, и я бесконечно*

обязан г-ну Терстеху, так великодушно одолжившему мне его. Эти образцы превосходны. Между тем я занят чтением книги об анатомии и другой, о перспективе, которую мне также послал г-н Терстех. Это учение – тернистый путь, и порой эти книги невозможно раздражают, но я всё же верю, что изучу их» (158). Начинающий художник очень точно подмечает, что живопись укрепляет его разум. Впоследствии именно она становилась той ниточкой, что спасала его от депрессивного состояния.

В письмах Тео Винсент всё чаще пишет о живописи и художниках. Если его прежние послания были насыщены проповедями, то теперь он почти не касается этой темы, полностью сосредоточившись на искусстве. В том же письме от 24 сентября 1880 года Ван Гог описывает мастерскую французского живописца и гравёра натуралистического направления Жюля Бретона (1827—1906). Он посетил её, когда путешествовал по Па-де-Кале во Франции, ища себе работу. Снаружи она показалась ему абсолютно негостеприимной, ибо построена из кирпича совершенно недавно и без каких-то изысков. Местность около Курьера – а именно там была мастерская – Винсент сравнивает с Боринажем, отмечая наличие более светлых тонов. В угольной стране он привык созерцать дымное и туманное небо. Также Винсент выделяет особую породу людей, угольщиков и ткачей, которые для него окружены ореолом загадочности. В будущем он планирует посвятить им ряд своих работ.

Осенью 1880 года Винсент перебирается в Брюссель, надеясь получить бесплатное образование в художественной академии, куда он и направил свой запрос на курс «Рисунок с антиков».

Некто Рулофс советует Ван Гогу начать писать с натуры под руководством опытного художника. В свою очередь Винсент продолжает работать над «Курсом рисунка» Барга. Кроме того, по «Анатомическим эскизам для художников» он исполнил скелет на пяти листах.

В Брюсселе Винсент знакомится с художником Антоном ван Раппардом, который на несколько лет становится его другом и наставником. Вот так он описывает встречу: *«Побывал у господина ван Раппарда, который теперь живёт на рю Траверсьер, 64, и мы побеседовали. У него приятная внешность, я пока не видел его работ, кроме нескольких маленьких, выполненных пером пейзажей. Он живёт на довольно широкую ногу, и, принимая во внимание материальные соображения, я ещё не понимаю, является ли он тем, с кем я мог бы жить и работать. В любом случае я навещу его. Он показался мне серьёзным человеком»* (160).

Встреча с Раппардом состоялась благодаря рекомендации Тео. Они познакомились, когда голландский художник работал в мастерской у Жана Леона Жерома, зятя Адольфа Гупиля. Будучи сыном богатого утрехтского адвоката, Раппард выглядел элегантно и серьёзно. Видимо, Тео надеялся, что новый знакомый положительно повлияет на непутёвого бра-

та.

В своих письмах из Брюсселя Винсент всё чаще пишет о возникающих материальных проблемах. В одном из них он уточняет, что его минимальные расходы составляют 60 франков в месяц. Деньги требуются на аренду жилья, краски, холст и другие рисовальные принадлежности. В письме от 2 апреля 1881 года Ван Гог благодарит брата за финансовую поддержку и выражает надежду, что он скоро сможет зарабатывать по 100 франков в месяц, и этого будет достаточно.

Тем временем Ван Гог не теряет времени зря. Каждый день, с утра до вечера, он оттачивает своё мастерство. Нарисованных «Землекопов» и «Анжелюс» по Милле он направляет отцу, чтобы тот увидел старания сына. Также Винсент пишет копии по репродукциям немецкого художника Ганса Гольбейна Младшего (1497—1543), называя их непростыми.

Особое внимание Ван Гог уделяет пропорциям рисунков, искусным штрихам, композиции, идее и поэтичности. Он особенно ценит Огюста Перрена, Улисса Бютена, Альфонса Легро, Бретона, Милле, Израэльса. В первые месяцы занятия живописью Винсент делает абсолютно правильный вывод: картина должна содержать какую-то мысль, без неё работа неживая и не имеет художественной ценности. В последующем форма, цвет и мысль стали визитной карточкой всех его полотен. Их гармоничное, а часто фантастическое соче-

тание проложили его творчеству путь в вечность.

На рисунке углём «Рабочие, идущие на шахту», исполненном в Брюсселе, Винсент изобразил углекопов, бредущих вдоль изгороди малорослых деревьев. Простое чередование людей и деревьев, а также нагромождение других объектов (хижины, трубы, подъёмники, горы угля) выдают в авторе самоучку.

В одном из своих писем брату Ван Гог соглашается, что его новая страсть, живопись, непонятна простым людям и они могут счесть его за сумасшедшего: *«Крестьянин, увидев, как я рисую старый пенёк и целый час сижу перед ним, подумает, что я сошёл с ума, и, разумеется, посмеётся надо мной. Юная дама, которая воротит нос при виде труженика в заштопанной, запылённой и пропитанной потом рабочей одежде, безусловно, не сможет понять, почему кто-то посещает Бориная или Хейст и спускается в угольные шахты, и она тоже придёт к выводу, что я сумасшедший»* (164). Но Винсент надеется, что его близкие, Тео, отец, господин Терстех и другие, поймут его.

Изначально в Брюсселе Винсент жил на те 60 франков, что присылал ему отец. Но долго так не могло продолжаться, ведь для Доруса это составляло треть заработка. К счастью, Тео на работе повысили жалованье, и с марта 1881 года он стал материально поддерживать старшего брата. Винсент, в свою очередь, пытался предложить свои услуги типографиям, но они не спешили воспользоваться ими, только

какой-то кузнец поручил ему рисовать эскизы печей.

Попытка Винсента получить образование в художественной академии закончилась провалом: на его запрос пришёл отказ. В конце апреля 1881 года Ван Гог возвращается к родителям в Эттен.

Глава 9. Эттен (5 августа – 23 декабря 1881)

В Эттене Винсент продолжает заниматься живописью. На привезённой Тео бумаге энгр он в очередной раз копирует рисунки Барга, не спеша писать с натуры, объясняя это нежеланием упустить из вида важное.

Однако к концу лета Ван Гог всё-таки приступает к работе с моделями и в письме середины сентября 1881 года пишет Тео: *«Я должен непрерывно рисовать землекопов, сеятелей, пахарей, мужчин и женщин. Исследовать и рисовать всё, что относится к крестьянской жизни. Так же, как многие другие делали это до меня и продолжают делать. **Теперь я больше не беспомощен перед живой натурой, как раньше**»* (172). В доказательство своих слов Винсент в этом же письме рисует девять фигур: две из них копают землю; следующие две сеют; пятая мужская сидит на стуле, опершись головой о руки; шестая что-то просеивает через сито, возможно, муку; седьмая женская работает метлой; две последние сидят на стуле и занимаются ткачеством. Все фигурки выполнены довольно грубо, без соблюдения пропорций тела. Но по их виду мы точно можем сказать, кто чем сейчас занят. И, видимо, Ван Гог стремился передать не сами фигуры, а действия. И что ещё интересно: на более поздних картинах эти фигуры

вновь появятся в виде «Сеятеля», «Ткачей» и «Горящего старика». Последнего он изобразит через девять лет, в мае 1890 года.

В поисках моделей и хороших сюжетов Винсент странствовал в окрестностях Эттена. Порой крестьяне соглашались позировать этому странному человеку. Но они не были профессиональными моделями и своё время старались тратить на сельскохозяйственную работу, поэтому рисунки с натуры не всегда хорошо получались. Однако некоторых крестьян Винсенту удавалось приводить домой, где в спокойной обстановке он учился своему ремеслу. Через некоторое время местным жителям надоело тратить попусту время, и они стали избегать начинающего художника.

Но не только живописью в Эттене увлечён Винсент. Он беззаветно влюбляется в тридцатипятилетнюю Кее Фос-Стрикер, овдовевшую дочь пастора Стрикера. Напомню, именно этот господин был мужем Виллемины, сестры Анны Карбентус-Ван Гог, и он помогал Ван Гогу готовиться к вступительным экзаменам в Амстердаме. Первая встреча с Кее произошла ещё в тот момент, но Винсент не обратил особого внимания на двоюродную сестру.

Сейчас начинающему художнику двадцать восемь лет, и он в плену романтического чувства, в чём признаётся Тео: *«Я хочу рассказать тебе, как этим летом влюбился в Кее Фос, и настолько, что нахожу только такие слова: «Будто Кее Фос – самый близкий для меня человек, а я – для неё».*

И я признался ей в этом. Услышав мои слова, она ответила, что прошлое и будущее едины для неё и что она не сможет ответить на мои чувства.

Во мне кипела внутренняя борьба: покориться этому «нет, ни за что и никогда» или не считать дело решённым и оконченным, сохранить присутствие духа и не сдаваться» (179).

Обидный отказ «нет, ни за что и никогда» Винсент будет вспоминать всю свою жизнь. А что было бы, если бы женщина ответила взаимностью и пара зажила счастливой семейной жизнью? Добился бы Ван Гог таких успехов в живописи? И занимался бы он вообще живописью, не будь в его жизни столько мучений? На мой взгляд, ответ очевиден: Ван Гог не потребовалась бы сублимация, и мир остался бы без великого постимпрессиониста.

В своих ухаживаниях, которые больше походили на преследование, Винсент заходит слишком далеко. Отказа возлюбленной ему было недостаточно, и он на эту тему беседует со своими родителями, родителями Кее, а также с дядей Сентом и его супругой. Сент опрометчиво говорит Винсенту, что всё в его руках и если он будет последователен и настойчив, то всё может получиться. Эти слова подействовали на отвергнутого жениха ободряюще, и он решил не уступать, повинаясь своим чувствам.

Ван Гог прекрасно осознавал, что Кее его не любит, о чём он писал Тео. Но эту ситуацию, когда один человек любит,

а другой нет, он воспринимал как лучшую, чем когда нет любви вовсе. Винсент полагал, что на его усилия Кее рано или поздно ответит взаимностью, только стоит немного постараться и подождать: *«Любить буду долго её, пока не полюбит в ответ»* (179).

Тем временем, не выдержав столь стремительного натиска, Кее с сыном покидает Эттен и возвращается в Амстердам. Но Винсента это не останавливает, и он посылает ей бесчисленные письма. Родители пытаются убедить сына в бессмысленности подобных поступков, но напрасно: *«Я не согласен с папой и мамой, что я не должен писать ни ей, ни дяде Стрикеру, а также говорить с ними, – да, у меня полностью противоположное мнение. И я скорее откажусь от начатого дела и комфорта этого дома, чем хоть на секунду задумаюсь о том, чтобы прекратить писать ей или её родителям. Если папа меня за это проклянёт, я не могу помешать Его Сиятельству это сделать. Если он захочет меня выгнать из дому, быть по сему, но относительно моей любви я буду поступать так, как мне велят сердце и голова»* (186).

Из-за своей наивности и неопытности наш герой думал, что сердце возлюбленной растает, если они будут постоянно переписываться, видаться и разговаривать. Но, конечно же, его назойливость лишь отталкивала Кее.

Кроме того, Винсент решил немного улучшить своё финансовое положение, ведь оно играло немаловажную роль

в личных отношениях. Прихватив свои лучшие рисунки, Ван Гог едет в Гаагу. Здесь он встречается со всеми, кто хоть чем-то может помочь ему в продаже работ. Его давний знакомый Херманус Терстех положительно оценивает увиденные рисунки.

Заручившись поддержкой Тео, Винсент встречается с самым коммерчески успешным гаагским художником Хендриком Месдахом. Также он знакомится с Виллемом Марисом, который зарабатывал неплохие деньги на продаже акварелей со сценами из сельской жизни. Следующий, с кем поспешил встретиться Винсент, – это Йоханнес Босбом, одно из светил гаагской школы.

Встречи носили практический характер: Винсент показывал свои работы, просил их оценить и надеялся получить рекомендации. Однако реализация хитрого плана никак не отражалась на продажах рисунков. Их в лучшем случае одобряли, но никому даже в голову не пришло что-то покупать.

У Винсента в Гааге осталась последняя надежда: Антон Мауве. Летом 1877 года они с Тео уже наносили визит в его мастерскую, и Ван Гог многое почерпнул из той встречи. За прошедшие четыре года Мауве значительно продвинулся, став одним из самых востребованных голландских художников. Винсенту чрезвычайно повезло: ему было разрешено несколько дней провести в мастерской Мауве, где он успел написать пять этюдов и две акварели. Выдающийся художник вдохновил Винсента, положительно оценив его картины

и дав несколько ценных советов. Также он предложил приехать через несколько месяцев с новыми картинами.

Пусть Винсент не нашёл покупателей для своих работ, но моральная поддержка столь именитого художника значила для него очень много. Вдохновлённый и полный сил и энергии, наш путешественник возвращается в Эттен.

Поделившись хорошим отзывом Мауве с отцом, Винсент растопил пасторское сердце. Вдруг действительно живопись – призвание Винсента? Дорус говорит сыну, чтобы тот продолжал учиться мастерству, и обещает ему материальную поддержку.

Но любовь к Кее не угасала, и Винсент продолжает свои неуклюжие ухаживания, которые давно уже перешли все разумные пределы. Влекомый горячим желанием встречи, он направляется в Амстердам. Вот так он описывает свой визит в дом Кее и её родителей: *«Я позвонил в дверь. Сначала мне сказали, что семья ещё ужинает, но потом меня всё же пригласили войти. И там были все, включая Яна, того самого весьма образованного профессора, кроме Кее. И перед каждым из них всё ещё стояла тарелка, и не было ни одной лишней. Эта маленькая деталь бросилась мне в глаза. Они пытались сделать вид, что Кее там нет, и потому убрали её тарелку, но я-то знал, что она там, и воспринял всё это как спектакль или игру»* (193).

Почтеннейший профессор покинул дом после непродолжительной беседы с Винсентом о живописи. Оставшись один

на один с родителями Кее, наш герой начал расспрашивать, где его возлюбленная. Её отец продолжал утверждать, что дочери нет, и зачитал её письмо Ван Гог. В нём Кее очень вежливо просила перестать писать ей и предлагала направить всю имеющуюся энергию на работу. Однако настойчивого ухажёра это никак не охладило, ибо подобные слова он слышал от Кее неоднократно. Далее Винсент покидает дом, а Стрикер, в свою очередь, проявляет излишнюю учтивость, провожая незваного гостя до недорогой ночлежки.

Несколько дней Ван Гог бесцельно гулял по улицам него-степриимного Амстердама. Опасаясь приступа меланхолии, он совершает очередную попытку встречи с Кее. На это раз её отцу пришлось выслушать следующее: *«Послушайте, уважаемый дядюшка, если бы Кее Фос была ангелом, то для меня она была бы недосягаема, и я не думаю, что я продолжал бы любить ангела. Была бы она дьяволом, то я не захотел бы с ней иметь дела. В данном случае я вижу в ней настоящую женщину, с женскими страстями и причудами, я очень её люблю, и с этим ничего не поделаешь, и я рад этому. До тех пор пока она не станет ангелом или дьяволом, дело не закончено»* (193). Стрикер, услышав эту речь, сказал Винсенту несколько дежурных фраз о непредсказуемости женских страстей. Винсент, почувствовав со стороны преподобного Стрикера довольно холодное отношение к себе, в одном из своих писем к Тео написал, что «Бог священников мертвее мёртвого».

Итак, Ван Гогу ничего не оставалось делать, и он покидает Амстердам. Но направляется не в Эттен, а в Гаагу, вновь на встречу с Антоном Мауве. Последний не против поделиться опытом с начинающим художником, и гость остаётся у него на несколько дней.

На следующее после приезда утро Ван Гог приступает к натюрморту, а Мауве наставляет: «*Палитру нужно держать вот так*». Винсент прилежно следует всем замечаниям мастера, стараясь хоть немного приблизиться к мастерству своего учителя.

Тем временем родители начинающего художника осознали, что непомерная настойчивость их сына в отношении Кее плохо скажется на репутации семьи. Они попытались объяснить смутьяну, что шансов у него никаких нет. Также они потребовали, чтобы Винсент прекратил слать письма девушке, и обвинили его в том, что он сознательно отравляет им жизнь.

Тео не оставался в стороне. Он тоже стал энергично отговаривать брата от непродуманных и бесполезных действий. В их письмах завязалась активная полемика. Следует отметить, что Винсент довольно лирично описывал свои чувства и страдания, при этом сама Кее упоминалась нечасто.

Несмотря на неудачные ухаживания, Ван Гог не унывает и в октябре 1881 года пишет акварелью картину «Мальчик, подрезающий траву серпом». На полотне изображено самое простое действие: мальчик в голубой рубаше, присев на коле-

но, подрезает серпом траву. Передний и дальние фоны различаются цветом почвы.

В декабре этого же года Винсент пишет маслом два натюрморта: «Натюрморт с капустой и деревянными башмаками» и «Натюрморт с пивной кружкой и фруктами». Фон обеих картин довольно тёмный, немного в стиле Караваджо (1571—1610), но нет такого контраста света и тени. Башмаки символизируют склонность автора к дальним странствиям, кружка пива есть пример того, каким способом можно облегчить своё душевное состояние после очередной неудачи. Из всех объектов на двух картинах довольно натуралистично изображена капуста. На её листьях хорошо просматривается специфический рисунок.

Эттен надолго запомнился Ван Гогу. Так, будучи в Арле, в ноябре 1888 года он пишет «Воспоминания о саде в Эттене». На картине три женщины, одежда которых сливается с цветами. Только точечные мазки на платьях отделяют героинь от окружающего мира. Картина насыщена самыми разнообразными красками. Возможно, одна из героинь, та, что крайняя слева, – сама Кее.

Накануне Рождества в Эттене Ван Гог отказался идти на праздничную службу в церковь, что в буквальном смысле взбесило отца. Если он ещё как-то терпел назойливые ухаживания Винсента за Кее, то такой демонстративный жест ему был совершенно не по душе. Но и Винсент не желал отступать, сказав много неприятного Дорусу. Конфликт закон-

чился тем, что сыну пришлось покинуть родной дом, и наш герой едет в Гаагу.

Глава 10. Гаага (29 декабря 1881 – 10 сентября 1883)

В Гааге Винсент сразу же направляется к Антону Мауве, и тот соглашается снова давать ему уроки. Ван Гог снимает поблизости комнату, которую в дальнейшем переоборудует в мастерскую.

В письме Тео от 29 декабря 1881 года Винсент описывает свои планы, не забывая отметить, что не надеется на материальную поддержку отца, и поэтому просит брата иногда присылать ему деньги, когда у того будет такая возможность. В этом же письме Ван Гог пишет о своих переживаниях: *«Можешь представить, как я взволнован! Что будет с моим творчеством через год? Если бы я мог выразить всё, что чувствую; ладно, Мауве понимает всё это и хочет преподавать мне как можно больше технических приёмов – то, что наполняет мою голову и сердце, должно отразиться в рисунках и картинах»* (194).

Сразу после Нового года Винсент пишет Тео, что благодаря ста гульденам, которые ему занял Мауве, он оплатил аренду комнаты и приобретение необходимой мебели. Наличие мастерской, по мнению начинающего художника, должно возвысить его в глазах окружающих: он уже не скиталец, а имеет место, где можно создавать картины.

В мае 1882 года Винсент пишет картину «Вид из окна мастерской Ван Гога в Гааге (на задворках Схенквеха)». Работа выполнена в сером монотонном тоне с чётким вырисовыванием всех объектов, как на работах Питера Брейгеля Старшего. Падающий деревянный забор на подпорках делит территорию на отдельные участки. Трудно назвать их владениями, ибо всё это принадлежит беднякам. Женщины справа развесили белую одежду и бельё для просушки, на дальнем плане что-то мастерят мужчины. Жилища больше напоминают клетки для животных.

Отношения с родителями у Винсента продолжают портиться. Так, в письме к Тео он упоминает фразу отца о том, что старший сын хочет сделать его жизнь невыносимой. Эту фразу, как и многое в словах Теодоруса, Винсент воспринимал как проявление лицемерия, свойственное многим служителям церкви.

Где-то в январе 1882 года Винсент едет в Амстердам, желая увидеть Кее. Но она вновь оказалась недостижимой. Тогда в присутствии её отца и брата Ван Гог идёт на отчаянный шаг: он помещает пальцы над огнём лампы, требуя немедленной встречи. Кто-то из домочадцев затушил пламя и сказал дерзкому ухажёру, что он никогда не увидит Кее и что она испытывает к нему отвращение. Далее брат Кее в разговоре один на один с Винсентом говорит, что ситуацию могут изменить только золотые монеты. Для Ван Гога это стало зловещим откровением, словно речь шла о рынке, на ко-

тором за солидные деньги продавались невесты. Его любовь к Кее Фос погасла, не выдержав такого меркантильного подхода.

В конце января Винсент заболел и не занимался живописью три дня. В такие дни он чувствовал себя ужасно: *«Однако я испытываю к себе огромное отвращение, так как не могу делать то, что мне хочется: в такие минуты появляется ощущение, будто ты, связанный по рукам и ногам, лежишь в глубокой яме, бессильный что-либо сделать»* (203).

Тем временем Мауве продолжает наставлять Винсента. Он даже готов оказать ему материальную поддержку, если понадобится. Такое доброе и сочувственное отношение вселяет надежду в Ван Гога, и силы его прибавляются. Особенно это было важно сейчас, когда отношения с родителями стали невыносимыми. Только Тео и Антон Мауве старались понять начинающего художника.

Когда на рисунках Винсента получались крупные и безжизненные мазки, Мауве поучал: *«Если бы ты уже сейчас работал тонко, в этом присутствовало бы некое изящество, но, вероятно, позднее ты начал бы класть краску более толстым слоем. А сейчас ты прилагаешь усилия, и картины получаются тяжеловесными, но в будущем ты сможешь работать быстро и изящно»* (203). Но и в будущем Ван Гог сохранил свой оригинальный пастозный мазок, и это только придаёт ценность картинам постимпрессиониста.

Винсент признаётся Тео, что его юность прошла и он уже

не может жить беззаботно, ибо мысли о настоящем и будущем постоянно следуют за ним. Живопись не может гарантировать какой-либо достаток, и это огорчает Ван Гога, но такое понимание никак не влияет на целеустремлённость и преданность начатому делу.

В Гааге судьба в очередной раз свела Винсента с бывшим начальником по «Гупиль и К» Херманусом Терстехом. Их отношения уже давно не были тёплыми: Терстех обвинял Ван Гога в том, что он сидит на шее у своих родственников. Естественно, это задевало нашего героя.

После просмотра нескольких работ Винсента Терстех подверг их серьёзной критике, назвав некоторые из них абсолютно непригодными. Также Херманус не одобрял желание Винсента писать с моделей и дал начинающему художнику совет: если хочешь зарабатывать на живописи, то необходимо прекратить писать непонятные фигурки, посвятив себя акварели, отдавая предпочтение пейзажам.

Наверняка Терстех прекрасно знал вкусы публики, и его советы действительно могли способствовать росту продаж картин Винсента. Но сиюминутная выгода нисколько не интересовала Ван Гога, и он заявил своему оппоненту, что в его фигурках есть характер. Такой ответ лишь рассмешил Хермануса, что для Винсента стало очередным ударом: он надеялся быть понятым в кругу близких людей, но всё напрасно.

С другим своим товарищем, Антоном ван Раппардом, Винсент разругался также из-за разницы во взглядах на жи-

вопись. Ван Гог полагал, что он нанёс поражение Раппарду в их эпистолярной схватке относительно академического рисунка. Антон продолжал настаивать на своей правоте, и в их отношениях наступило охлаждение. Кроме того, в Гааге Винсент находит замену Раппарду, сближаясь с молодым художником Георгом Хендриком Брейтнером, который довольно искусно пишет людей в харчевне и имеет славу бунтаря среди представителей гаагской школы. Брейтнер навещает нашего героя в его мастерской и делится своим опытом, совместно они посещают район красных фонарей, где любят коротать время с девушками, которые продают своё тело за небольшое вознаграждение.

Рисунки Брейтнера Винсент ценил не очень высоко, сравнивая их с выцветшими кусками старых обоев. Со слов Ван Гога, если поручить его товарищу что-то написать, то получится самое нелепое. Отчасти причину он видел в его пошатнувшемся здоровье. К тому же Брейтнер всё чаще и чаще искал своё счастье в кабаках, спасаясь от реалий жизни. Позже кабаки для Винсента стали такой же повседневностью, какой, возможно, они были для Брейтнера.

Вообще, Винсент никогда не был затворником. Пусть с некоторыми сложностями, но везде, где бы ни жил, он находил себе товарищей и почитателей. Хотя, конечно, последних было немного, всё больше сочувствующих, но тем не менее Ван Гог довольно легко контактировал с самыми разными людьми. Правда, ему откровенно не везло в отношениях

с женщинами, но и его любили искренне, о чём будет написано чуть позже.

Антон Мауве всячески содействовал Винсенту. Благодаря его протекции Ван Гог стал ассоциированным членом «Пульхри», которая представляла собой некий союз художников и галеристов. Начинаящий художник предпринял только две попытки воспользоваться предоставленным правом посетить натурный класс этого общества. Но, как потом позже писал Винсент, ему эта затея пришлась совершенно не по душе.

В письме Тео от 3 марта 1882 года Винсент радостно сообщает, что он нашёл себе моделей: *«Это бедные люди и, должен признать, безотказные, и это бесценно. Я добился того, чтобы они согласились мне позировать: не без труда и при условии, что у них будет постоянная работа. Это то, чего я и сам охотно желал бы, и полагаю, что это хорошее дело. Молодая женщина некрасива лицом, потому что перенесла оспу, но её фигурка весьма изящна, и я нахожу её очаровательной. У них также есть хорошая одежда: вещи из чёрной мериносовой шерсти, шляпы симпатичного покроя, красивая шаль и т. п.»* (207). Своим новым помощникам Ван Гог пообещал платить по гульдену за день, если удастся продать картины. Сами картины с фигурами Винсент не спешил продавать, поскольку старался изобразить их героев по нескольку раз. Например, для рисунка из трёх швей он намеревался предварительно зарисовать девяносто

из них. Согласитесь, это титанический труд, который не мог не привести к успеху.

В свою очередь Ван Гог оказывает помощь дядя Кор, который заказал двенадцать видов Гааги стоимостью два с половиной гульдена каждый. В случае если рисунки будут удачными, Корнелиус обещал заказать двенадцать видов Амстердама. Винсент надеялся, что везде найдутся покупатели недорогих, но хорошо исполненных видов городских улиц.

Помимо простейших работ, которые можно было продать за небольшие деньги, Винсента прельщали сложные выразительные сюжеты. Увидев одну из работ по мотивам голландского художника Николаса Маса (1634—1693), Ван Гог отмечает, что ей не хватает экспрессии, той экспрессии, которой был насыщен хлев в Боринаже, когда на свет появлялся телёнок. Он описывает, как у присутствовавшей в тот момент девочки глаза наполнились слезами, когда она увидела мучения рожавшей коровы. Этот эпизод надолго запомнился Винсенту, и он в июле 1884 года пишет картину «Новорождённый телёнок, лежащий на соломе». Шерсть маленького детёныша вся мокрая, ножки беспомощно лежат на подстилке. Изображение телёнка разделяет картину по диагонали на светлую и тёмную части, словно символизируя торжество жизни.

Любовь к живописи всё больше овладевает Винсентом, и он горит желанием стать художником: *«Художник – достойная профессия, позволяющая заработать достаточно*

денег на жизнь, такая же, как, например, кузнец или врач. В любом случае художник – полная противоположность рантье, и, как я уже сказал, если проводить параллель, у него больше сходства с кузнецом или доктором» (214). Обратите внимание на сравнение профессий художника и доктора. Своими работами живописец может исцелять не только окружающий мир, но и самого себя. Ярким доказательством этого тезиса является сам Ван Гог, который спасался от меланхолии с помощью кисти и красок. А вот первое утверждение, гласящее, что художник может заработать себе на жизнь, не такое уж и верное, примером чего выступает опять же сам Винсент.

Великий живописец и теоретик искусства раннего итальянского Возрождения Пьеро делла Франческа (1415—1492) в своих работах особое внимание уделял перспективе, которая позволяла отражать реальность во всей её красе. За неоценимый вклад в изображение предметов в пространстве благодарные потомки присвоили ему звание первооткрывателя перспективы. Рафаэль Санти (1483—1520) подарил миру картину «Афинская школа» (1510—1511), на которой пространство представлено во всём его великолепии. Более чем через триста лет ещё никому не известный Винсент Ван Гог штудировал книгу Кассаня о перспективе и сразу же закрепляет полученные знания изображением внутреннего убранства кухни, предметы которой, а именно печка, стул, стол, окно, запечатлены в правильном положении,

что придаёт рисунку объём. И эта же книга помогла Винсенту отбросить все сомнения в правильности выбранной им профессии.

Весной 1882 года Ван Гог не только изучает перспективу, но и обращает внимание на соотношение рисунка и красок. Он пишет Тео, что есть два общепринятых взгляда: «максимум рисования и минимум красок» и «минимум рисования и максимум красок». Сам Винсент в Гааге придерживается первой стратегии, ведь его картины того периода не насыщены яркими цветами, в них преобладают тёмные тона.

В апреле 1882 года Ван Гог признаётся брату, что всё больше мечтает написать картину маслом, которая бы стала его визитной карточкой. Видимо, уже в тот момент он размышлял над «Едоками картофеля».

Отношения с Антоном Мауве стали постепенно портиться. Триггером стала попытка Винсента показать свои чёрно-белые гравюры на одной из выставок «Пульхри». Члены общества высмеяли работы Ван Гога, которые *«чересчур поверхностные, чересчур сентиментальные и слишком коммерческие, чтобы рассматривать их с точки зрения художественной ценности»*⁴⁰. Винсент был крайне раздосадован такими оценками и нагрубил в ответ, сказав, что критикам стоит научиться рисовать самим. Таким образом была поставлена жирная точка в отношениях с «Пульхри».

После описанных событий Мауве стал избегать своего

⁴⁰ Найфи С., Уайт-Смит Г. Ван Гог. Жизнь. – Т. 1. – С. 344.

непутёвого ученика. Винсент в письме предлагает ему пожать друг другу руки и пусть каждый идёт своей дорогой. Но Антон не отвечает. Когда случайно Винсент встречается Мауве, то просит посетить его мастерскую и оценить его работы. Ответ Антона Мауве был таков: «Я, безусловно, ни за что не приду к вам, об этом не может быть и речи». Ван Гог парирует, говоря, что заказчиком его работ выступает дядя Кор. Но оппонент лишь насмехается, утверждая, что это просто нелепая случайность и больше рисунки Винсента никто не будет покупать.

В письме брату, описывая окончательную ссору с Мауве, Винсент замечает, что чем дальше он будет идти по намеченному пути творчества, тем больше будет препятствий. Он сознаёт, что характер его тяжёл, но изменить его не может, как бы ни старался. И в заключение своих рассуждений Ван Гог делает абсолютно правильный вывод о том, что и в будущем его ждут подобные неприятности.

Тео ежемесячно высылает брату по 100 франков, но Винсенту их не хватает. Он всячески намекает, что ему для продолжения занятия живописью требуется как минимум 150: *«Если я смогу рассчитывать на 150 франков в месяц, мне бы хотелось уделить этому занятию ещё год. Я также надеюсь, что мне удастся немного заработать, но если нет, я, хоть и с трудом, смогу свести концы с концами. Что будет, когда этот год закончится? Полагаю, мои работы не дают оснований сомневаться в том, что я добьюсь успеха, при*

условии, что буду продолжать в том же духе и прилагать усилия. И потом, я не из тех, кто работает медленно или нудно. Рисование становится моей страстью, и чем дальше, тем больше оно меня затягивает, было бы желание, а возможности найдутся» (222).

Стоит отметить, что средняя заработная плата рабочего в то время составляла порядка 80 франков в месяц. И на эту сумму ему приходилось снимать жильё и кормить семью. Винсент никогда не умел считать деньги и часто тратил их на всякие безделушки. Кроме того, он покупал книги, предметы живописи, а его коллекция гравюр в Гааге насчитывала более тысячи экземпляров. Также приходилось платить моделям, которые вереницей тянулись в его комнату. То были старухи и старики, мужчины и женщины, мальчики и девочки в самых простых одеяниях, которые свидетельствовали о нищете их владельцев.

В январе, практически сразу после поездки в Амстердам, когда чувства Винсента к Кее погасли, как пламя лампы, он встретил Син Хорник, о чём в письме от 7 мая 1882 года признаётся Тео: *«Этой зимой я встретил беременную женщину, покинутую мужчиной, чьё дитя она носила под сердцем.*

Беременная женщина, бродящая по улицам, которая должна зарабатывать на хлеб – ты понимаешь, каким образом» (224).

Далее Ван Гог пишет, что девушка стала его моделью, и он

оплачивал аренду её квартиры, разделял с ней хлеб. Так он спас и её, и её ребёнка. Описав само знакомство и тяжёлое положение девушки, Винсент признаётся Тео, что Син для него больше чем просто модель: *«Мне кажется, любой мужчина, стоящий кожи на своих ботинках, в подобном случае поступил бы так же. Свой поступок я нахожу настолько простым и само собой разумеющимся, что не хотел бы об этом рассказывать. Ей было сложно позировать, но она научилась, а я преуспел в рисовании благодаря тому, что у меня появилась хорошая натурщица. Эта женщина предана мне, словно ручной голубь. Я могу жениться лишь однажды, и лучшее, что я могу сделать, – это взять её в жёны, потому что только так я смогу ей помочь, иначе, гонимая нуждой, она вновь встанет на тот путь, который приведёт её к пропасти. У неё нет денег, но она помогает мне зарабатывать, участвуя в моей работе»* (224).

Как вы уже догадались, Син Хорник до встречи с Винсентом занималась проституцией, и у неё уже был один ребёнок. Сама она родилась и выросла в Гааге. Её отец Питер Хорник работал простым носильщиком, мать Мария Пеллерс занималась воспитанием детей, коих насчитывалось одиннадцать. Глава семейства безуспешно пытался прокормить такую большую ораву, пока в 1875 году в возрасте пятидесяти двух лет не умер. К этому времени из одиннадцати детей осталось только восемь. Мать не имела никакой возможности заработать даже на еду, поэтому старшие три мальчи-

ка начали жить самостоятельно, троих младших определили в сиротский приют. В доме остались сама мать и две её дочери, старшей из которых была Класина (Син).

Син вместе с матерью пыталась работать ткачихой и подёнщицей, но этого с трудом хватало на алкоголь и курево, к которым её приучили старшие братья и улица. Девушка, как и многие её ровесницы, не выдержала изнуряющего труда и нищеты и согласилась продавать своё тело за деньги. Мужчин, желающих купить такой товар, было предостаточно. Видимо, одним из них стал Винсент, который проникся жалостью к бедной девушке и решил ей помочь.

Эту связь сначала он пытался скрыть от окружающих, в том числе от Тео. С Син Ван Гог познакомился где-то в январе, а брату сообщил о ней только в мае, опасаясь лишиться материальной поддержки. Естественно, Тео был не рад происходящему и старался отговорить брата от нелепой связи, но, зная упрямство Винсента, несильно усердствовал в этом и регулярно отправлял деньги. Однако Тео был категорически против заключения брака, угрожая лишить брата поддержки. Тео даже предлагал откупиться от Син, полагая, что она просто обманывает наивного парня. Но никакие уговоры не действовали на Винсента, который умилялся незащищённостью своей новой подруги. Много позже, в письме Эмилю Бернару от 5 августа 1888 года, Ван Гог сравнил художников с бордельными шлюхами: *«Изгнанное, отброшенное обществом создание – так же, как и мы с тобой, „отброшен-*

ные художники“, – она, конечно же, наш друг и наша сестра. Итак, она отброшена обществом, как и мы, и в этой независимости есть свои преимущества: взвесив всё, давай не заблуждаться насчёт того, что мы поможем ей, восстановив её положение в обществе, – это почти невозможно и окажется для неё фатальным» (655).

Как я уже писал выше, Син Хорник стала моделью для Винсента. В апреле 1882 года Ван Гог изображает её полностью обнажённой, в позе как на рисунках Барга: девушка запечатлена сбоку, ноги её подтянуты к груди, руки скрещены, голова опущена.

Если Рембрандт в своих картинах приукрашивает свою возлюбленную Саскию, то Винсент старается передать реальность: отвисшие груди, далеко не изящные ноги с большими ступнями, худые руки, местами выпирающий позвоночник, плохо прибранные длинные жидкие волосы, большой живот, указывающий на беременность. Снизу справа на чёрно-белом рисунке надпись «Sorrow» («Скорбь»).

Эту работу Винсент считал наилучшей из своих натуральных рисунков. Изображённая девушка вызывает жалость: она не защищена от нападков агрессивного лицемерного мира. Мира, где правит сильный, где продаётся и покупается любовь, где человек ничто по сравнению с богатством.

Ван Гог прекрасно понимал, что его отношения с Син Хорник приведут к разладу с окружающим миром. Ведь она не только проститутка, но и другой веры – католичка. Отец

никогда не согласится поддержать такой союз. Свою решимость он лирично сравнивает с мужеством рыбаков, которых нужда заставляет выходить в волнующееся море: *«Рыбаки знают, что море опасно, а шторм ужасен, но никогда не думают, что из-за этого можно остаться дома и прохладиться на берегу. Благоразумие они оставляют тем, у кого есть к нему склонность. Налетит шторм, наступит ночь, но что хуже – опасность или страх перед нею? Будем реалистами: сама опасность»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.